

Разговор с Вождем

Автор:

Алексей Злотников

Разговор с Вождем

Роман Валерьевич Злотников

Алексей Михайлович Махров

Дорога к Вождю #1

Звонок, поступивший на мобильный застрявшего в пробке менеджера среднего звена Виталия Дубинина, не сильно отвлек его от мыслей о грядущем отпуске. Но все изменилось, когда он понял, что на другом конце «провода» Иосиф Сталин...

Что скажет Отцу народов наш современник за три дня до трагического начала Великой Отечественной войны? Сможет ли эта информация снизить потери Красной армии в пограничном сражении? Как повлияет разговор с Вождем на исход противостояния с жестоким и умелым врагом? И где найти нужные слова, чтобы не только выиграть войну, но и предотвратить распад Советского Союза?

Роман Злотников, Алексей Махров

Разговор с Вождем

© Злотников Р., Махров А., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

* * *

Глава 1

18 июня 2015 года,

Москва

Когда зазвонил телефон, я медленно и печально двигался в пробке по Рижской эстакаде. Так что, невзирая на строгий запрет ПДД, не увидел ничего зазорного в том, чтобы ответить. Тем более что, судя по высветившейся на экране подписи, это звонил мой старый приятель и сослуживец Володька, по прозвищу Батоныч. Был он заядлым рыбаком и все свои отпуска проводил в занятии любимым делом. Ну и сильно мечтал приобщить к этому меня. Я же обычный офисный планктон и отдыхать предпочитаю, валяясь на пляже в более или менее отдаленных южных странах и лениво потягивая ледяной коктейль через полиэтиленовую соломинку. Так что обычно эти этапы нашей жизни проходили в совершенно противоположных концах нашего, сегодня ставшего таким маленьким мира. Впрочем, один раз я поддался-таки на уговоры Батоныча и его утверждение, что «этот отпуск ты никогда не забудешь», и отправился с ним на Ахтубу, в палатку... Ну что сказать – Батоныч таки оказался совершенно прав. Ибо тот отпуск я действительно никогда не забуду. Потому что вернулся из него разбитым, простуженным (за неделю до окончания нашего «отдыха» погода резко испортилась) и с раздутой от загноившегося пореза ногой. После чего решительно заявил Володьке, что рыбалка это, конечно, хорошо, но явно не для меня. Однако Батоныча тот случай прямо-таки воодушевил. Он вознамерился доказать мне, что рыбалка – это просто мечта и мне в тот раз просто не повезло. Так что, поутихнув на время, он затем снова начал убеждать меня, что поездка на рыбалку отнюдь не всегда есть отсутствие так желаемого мной комфорта. И вот, например, в Финляндии...

– Слушаю, Батоныч!

В трубке что-то прошебуршало, но никакого продолжения не последовало. Я вздохнул и заговорил:

– Володь, я сейчас за рулем, хотя и в пробке, но впереди просвет виден, поэтому долго говорить не могу. Так что если ты опять заведешь свою песню насчет поездки на рыбалку в Финляндию или там Ирландию, то можешь успокоиться. Я уже еду в Испанию, на Коста-Бланка, в Бенидорм. Отель «Гран дельфин», четыре звезды – все, как я люблю. Сегодня утром отдал в турагентство все документы и паспорт. Так что ни в Финляндию, ни в Ирландию, ни даже на Карибы я с тобой не поеду. Все, пока, – радостно рявкнул я в трубку и уже потянулся пальцем к кнопке отбоя, как вдруг из динамика послышался совсем не Володькин голос:

– А ви в каком наркомате работаете?

Я вздрогнул и уставился на экран своего «Самсунга» (принципиально не пользуюсь iPhone – не хочу поддерживать американского производителя). На экране явственно светилось: «Батоныч». Черт, глюки мобильной связи? Вероятно. А вот от речи повеяло чем-то знакомым. Да еще и наркомат... Я коротко хохотнул:

– Под Иосифа Виссарионовича работаете? А что, похоже. Ну, про самого Сталина не знаю, но на то, как его Закариадзе в «Освобождении» изображал, вполне тянет.

В трубке еще несколько мгновений помолчали, а затем осторожно спросили:

– А что такое... освобождение?

Впереди движение снова застопорилось, поэтому я решил не прерывать столь забавно развивающийся разговор и продолжил:

– Ну, киноэпопея такая. Несколько фильмов с одними героями. Не помните? Странно... Судя по голосу, вы явно в возрасте, так что должны помнить. Ее в семидесятые первый раз показали.

– В семидесятые? – еще более осторожно уточнили в трубке.

– Ну да. Потом несколько раз по телевизору повторяли. То ли к Двадцать третьему февраля, то ли к Девятому мая. Я как раз в школе учился. Очень

впечатлило. Сейчас так не снимают. Не умеют, да и денег на такие съемки много надо. Вряд ли потянут.

– К Девятому мая?

– Ну да, ко Дню Победы.

В трубке снова некоторое время помолчали, а потом тихо спросили:

– А где вы сейчас находитесь?

– На Рижской эстакаде, в пробке стою, – недоуменно ответил я.

– А Рижская эстакада – это что?

Я нервно рассмеялся. Он что, ненормальный? Впрочем, возможно, так оно и есть. Псих, реально представляющий себя Сталиным. Ну, есть же всякие, которые считают себя Наполеоном, вот и тут...

– Послушайте, – сердито начал я, – вы что, не знаете, где находится Рижская эстакада? Вы – идиот? Или совсем заигрались в своего Сталина? В таком случае вам надо в Кашенко. Идите в жопу! – Я зло мазнул пальцем по виртуальной кнопке с красной телефонной трубкой и бросил мобильник в подстаканник между передними креслами.

Вот не повезло на неадекватов нарваться! Покипев полминуты, я сердито ткнул пальцем в кнопку разблокировки динамиков автомагнитолы:

– Добрый день, сегодня 18 июня 2015 года. Вы слушаете радиостанцию «Огни Москвы». Московское время 17 часов. С вами я, бессменная ведущая Оля Апрель. Сервис «Яндекс-пробки» оценивает движение по Москве в шесть баллов. Затруднено движение по основным вылетным магистралям, практически стоит Третье транспортное кольцо, начинаются проблемы на Садовом. МКАД, внешняя сторона – семь баллов, внутренняя – девять. Десять баллов на Ленинградском шоссе, в районе Сокола, из-за аварии в Алабяно-Балтийском туннеле – ищите пути объезда. А сейчас для вас новый хит от группы «Шпильки»...

- Товарищ! – внезапно раздалось в салоне автомобиля.

Я недоуменно скосил глаза на телефон. Он что, не отключился?!

- Товарищ...

Я снова взял трубку в руки и несколько раз нажал на кнопку отбоя. Но, несмотря на это, спустя еще пару секунд вновь послышалось:

- Товарищ...

Я в полном обалдении поднес мобильник к уху.

- Э-э-э... слушаю.

- Ви можете не верить, но я действительно Иосиф Сталин. И сейчас у меня здесь 18 июня 1941 года.

- ЧТО?!!

Я резко врезал по тормозам, отчего из-за спины послышался раздраженный гудок клаксона, и замер, стиснув мобильник рукой. Так... так... это не правда, это просто не может быть правдой, потому что этого не может быть никогда. Ну просто не может. Это... это просто дебил, сумасшедший... Точно! А как он сделал так, что я не могу сбросить звонок? Я в недоумении уставился на телефон. Дебил, разбирающийся в электронике? М-м-м... Нет, это розыгрыш. Просто розыгрыш... Но я никому не отдавал своего мобильного! Если только ночью, пока я спал, пробрались в квартиру и... я зажмурился и тряхнул головой. Бред. Кому, на хрен, нужно ночью похищать мой мобильник, чтобы... чтобы что? А может, просто кнопка сломалась?

Я торопливо развернул «Самсунг» и заскреб ногтями по задней крышке, собираясь вытащить аккумулятор, но затем внезапно замер, пронзенный внезапным предположением: а что, если у меня просто поехала крыша?! От летней жары, предотпускного стресса, да мало ли от чего? Дожил, блин, с мобильником разговариваю! В этот момент кто-то от души постучал по крыше машины. Я открыл глаза и недоуменно уставился на какого-то здоровенного

мужика в пропотевшей майке, сердито плящущегося на меня поверх полуопущенного стекла водительской двери.

– Ну, ты, дятел, – зло рявкнул он, – ты ехать-то собираешься? Или хотя бы аварийку включать?

– А-а-а... – оторопело выдавил я, затем сглотнул и торопливо кивнул: – Да, спасибо!

– Че спасибо-то? – буркнул здоровяк тоном ниже. Как видно, моя перекошенная рожа убедила его в том, что я не просто дятел, а со мной действительно творится что-то не то, и он уже почти спокойно поинтересовался: – Ты ехать-то можешь?

– Да... да, сейчас, – оторопело закивал я.

– Товарищ... Ви еще слушаете? – снова раздалось из мобильного. – Повторяю: я действительно Иосиф Сталин! Вы из будущего? Из какого года?

– Это чё там у тебя такое? – заинтересовался здоровяк. – Опять на каком-то радио прикалываются?

– Вы... вы тоже ЭТО слышите? – окончательно оторопел я.

– Конечно! – усмехнулся здоровяк. – Кто-то тебя разыграть пытается! Ладно, шутки шутками, но дорогу освободи!

Впереди и правда пробка слегка рассосалась, так что самым разумным было съехать с эстакады и где-нибудь запарковаться. А уж потом разбираться с тем, что сейчас творилось с моим телефоном... и со мной. Нет, вариант розыгрыша я совершенно не исключал. Да как бы не считал его наиболее вероятным. Если, не торопясь, подумать, я, наверно, способен представить, как можно было поработать с моим мобильником, чтобы добиться того, что сейчас происходило. Но если имелся хоть один, хоть малейший шанс, что это непонятный абонент действительно Сталин и там действительно 18 июня 1941 года... я лучше рискну выглядеть посмешищем, чем просрать такой шанс повлиять на то, что случилось... случится... может случиться через четыре дн... то есть

семьдесят четыре года назад. Нет, если это все-таки розыгрыш, я не я буду, если не найду этих полудурков! И по херу – журналисты это, радиоведущие или еще какие-нибудь идиоты. Есть вещи, над которыми смеяться нельзя! Найду, убью... да пусть и сяду! Похрен!

– Товарищ... – снова негромко послышалось из трубки. – Ви меня слышите? Ви из будущего?

– Да, товарищ Сталин, я из будущего! Две тысячи пятнадцатый год! Двадцать первый век! – торопливо заговорил я, прижимая трубку к уху. – Я сейчас припаркуюсь, и мы сможем спокойно поговорить. У меня куча очень важной информации!

– У вас телефон в машине? – несколько удивленно уточнил мой собеседник. – Ви – руководитель?

– А? Нет, в машине у меня телефона нет. Он... ну... в кармане. У нас все такие имеют. Они называются мобильными телефонами. Маленькая такая штучка, размером с мыльницу, а разговаривать можно откуда угодно. Ну, где есть сеть, конечно... Но сейчас не об этом! Я... я должен вам рассказать... То есть сейчас припаркуюсь и расскажу.

Зарулив на зебру, отсекающую поток на выезд с Третьего кольца, я выключил двигатель, магнитола и поставил машину на ручник. После чего несколько секунд просто сидел, пытаюсь хоть как-то унять бешено колотившееся сердце и успокоить судорожные скачки мыслей.

Что, если вследствие каких-то физических, или божественных, или еще каких флуктуаций я действительно разговариваю со Сталиным? И... черт, черт, че-е-е-ерт – 18 июня 1941 года!!! Война уже неотвратима, но ЕЩЕ НЕ НАЧАЛАСЬ!!! То есть кардинально ничего не изменить, но хотя бы вывести войска из казарм еще можно успеть. Можно сделать так, чтобы летчики встретили рассвет 22 июня, ночуя на аэродроме под крылом самолета. Можно наполнить водой в Брестской крепости все имеющиеся ведра, бидоны, тазики и умывальники, и тогда, очень может быть, в мемориальном комплексе «Брестская крепость» никогда не появится великий монумент «Жажда». Можно заранее выдать боеприпасы и подтянуть к пограничным заставам хотя бы по паре батальонов. Да много чего еще можно...

Я стиснул телефон, глубоко вздохнул и, стараясь говорить медленно и внятно, начал:

– Значит, так, товарищ Сталин, самое главное, что я должен вам сказать, это то, что ровно через четыре дня – 22 июня 1941 года в 3 часа 15 минут армада немецких бомбардировщиков пересечет границу Советского Союза. Будет нанесен бомбо-штурмовой удар по аэродромам, складам, местам дислокации воинских частей, а также военно-морским базам и некоторым городам. В частности по Минску, Киеву... остальных не помню. Причем на Минск и Киев они шли без истребительной охраны, истребителям дальности не хватало, что ли... так что есть шанс там же их и похоронить. Одновременно с атакой бомбардировщиков начнется массированный артобстрел пограничных застав и мест дислокации приграничных частей и аэродромов. Про аэродромы я точно помню, там какие-то располагаются в зоне действия дальнобойной... а может, даже и полевой артиллерии. Короче, на этих аэродромах наша авиация и осталась. Вроде я где-то читал, что за первый день войны мы потеряли то ли пятьсот, то ли даже тысячу пятьсот самолетов. А за первый месяц вообще чуть ли не всю авиацию приграничных округов. Кроме того, наши части отчего-то не были выведены в полевые лагеря. А те, что выведены, оказались совершенно без боезапаса. Все это привело к тому, что уже к исходу дня немцы вышли к Кобрину, а через неделю взяли Минск. Причем все склады с горючим, вооружением, боеприпасами, что были сосредоточены западнее Минска, немцы получили целыми и невредимыми. И потом с удовольствием стреляли по нашим бойцам из наших же орудий и нашими снарядами. А своих полицаев и другие вспомогательные части вооружали нашими трехлинейками. А в ополченческих дивизиях, что легли под Москвой, было по одной винтовке на семерых[1 - Герой не профессиональный историк, ориентируется на информацию из открытых источников. Впрочем, по этим фактам существуют разные мнения, но авторы считают, что это, скорее всего, миф, запущенный либеральными журналистами. А вот факты вооружения в конце 1941-го войск однозарядными винтовками «Бердана № 2», использующими патроны на дымном порохе, подтверждены документально.], – зло скрипнул я зубами.

– Немцы дошли до Москвы? – глухо спросил мой собеседник.

– Да, в ноябре. Но Москву мы не сдали. А пятого декабря перешли в наступление и отбросили их от Москвы то ли на сто пятьдесят, то ли на триста километров. Зато летом они подловили нас при очередном торопливо, «давай-давай», подготовленном наступлении и так врезали, что фронт развалился, и они дошли

до Сталинграда и Кавказа. Но сейчас не об этом. Да и не так все будет у вас. Надеюсь...

Я перевел дух.

О чем еще говорить? Про 22 июня уже сказал, но кроме этого? Промежуточный патрон – идиотизм, все равно не успеют ранее, чем сделали в реале. Атомный проект? Несомненно! Перл-Харбор? Ну... может быть. Хотя тут еще бабушка надвое сказала. Если америкосы не понесут таких потерь, то вполне смогут вынести япов году к сорок третьему и перебросить в Европу больше сил. Так что второй фронт может открыться и раньше. Хорошо это? Да трудно сказать. С одной стороны, наши потери от открытия второго фронта должны уменьшиться, а с другой – америкосы явно захапают себе в Европе куда больше, чем смогли в текущей реальности. И это будет куда хуже. Потому что подлетное время бомбардировщиков до промышленных центров СССР может оказаться таким, что мы можем уже году в сорок восьмом получить массовую атомную бомбардировку. Про план «Дропшот»[2 - План Dropshot – разработанный в США план войны против Советского Союза и его союзников. Утвержден Комитетом начальников штабов 19 декабря 1949 года. Предусматривал атаку 166 русских городов 300 ядерными и 29 тыс. тонн обычных бомб. Первый же план войны с СССР – Totality был разработан американцами еще в конце 1945 г.] я во время срочной службы еще в Советской армии слышал достаточно. А потом и про операцию «Немыслимое»[3 - Операция «Немыслимое» – кодовое название двух планов (наступательного и оборонительного) на случай военного конфликта между Великобританией и СССР, разработанных весной-летом 1945 г., в рамках которого предусматривалось снова вооружить сдавшиеся в плен западным союзникам немецко-фашистские дивизии заранее складированным в непосредственной близости от лагерей военнопленных трофейным оружием и включить их в состав объединенных войск. Согласно ему, датой начала боевых действий было запланировано 1 июля 1945 года Японией.] прочитал. Те еще у нас союзнички были в войну...

Так, надо успокоиться и расставить приоритеты. Сначала 22 июня и вообще лето 1941-го. Эти планы ни отменить, ни существенно переделать немцы не смогут. Только скорректировать. Хотя и знаю я о Великой Отечественной просто постыдно мало... Нет, раньше-то я считал, что достаточно, но теперь понимаю, что... а, ладно, самобичеванием займемся потом. Далее – техника и вооружение. Причем не только наши, но и немецкие. Чтобы вовремя среагировать, и в сорок третьем наши танкисты уже получили Т-34-85... ну и так далее. Потом «ленд-

лиз» и северные конвои. А вот об этом я вообще хрен чего знаю. Пикуля – да, читал, а об остальном – столица Кампучии город то ли Пнём Пень, то ли Пень Пнём... Затем – ресурсы. Золото на Колыме и алмазы на среднем течении Вилюя. И уран в Узбекистане. Под городом Навои. У меня одна из прежних подруг родилась там. А вот есть ли в то время этот город? Если нет, то никак более точно я район не укажу. Вот блин! Ладно, все-таки успокоиться – и поехали. А то пока я тут в памяти роюсь, связь прервется – и все. И кто я тогда буду после этого?

– Товарищ! Ви еще слушаете?

Набираю в легкие побольше воздуха:

– Да, товарищ Сталин! Короче, так: у меня есть для вас несколько блоков информации. По начальному течению войны. По атомному оружию. По нападению японцев на американский Тихоокеанский флот в Перл-Харборе. По нашей технике, вооружению и тактике. По нашим ресурсам. Но вся информация очень путаная, зыбкая и не факт, что полностью достоверная. И извлечь ее из своей головы я пытаюсь, не сидя в Интернете, а торча в машине на окраине Третьего транспортного кольца Москвы, да еще в самый час пик. Так что если сейчас какой-нибудь придурок на убитом «КамАЗе» в меня впишется – и все, не будет у вас даже такой информации. А она может дать шанс уменьшить наши потери в войне с двадцати восьми миллионов человек до какой-нибудь более меньшей цифры.

В трубке шумно вздохнули и с напряжением произнесли:

– Ми потеряли двадцать восемь миллионов человек?!

– Кто говорит, что меньше, кто утверждает, что больше, но вроде как в основном историки сходятся на этой цифре.

Из трубки слышалось нечто вроде:

– Щеникаргемогет хан!!! – причем произнесено это было с такой яростью, что я невольно отшатнулся. Но затем голос собеседника стал холодным и выдержанным: – Подождите, товарищ, я приготовлюсь записывать все, что вы мне скажете. А насчет достоверности – не волнуйтесь. Проверим.

Я молча кивнул, как будто на том конце могли меня увидеть.

– Я готов. Начинайте.

И я начал. Я рассказывал обо всем, что смог вспомнить: о батальоне «Бранденбург-800», о немецких танках, преодолевших какую-то реку по дну, об обороне Брестской крепости, о националистическом восстании во Львове, о плане «Ост» и блокаде Ленинграда, короче, обо всем, о чем мог вспомнить. Потом коротко доложил все, что помнил об атомном проекте. Что в Америке это называлось Манхэттенским проектом. Что уран для него был вывезен из бельгийского Конго и до 1942 года валялся никому не нужным то ли в нью-йоркском, то ли в еще каком-то порту. Что бомбы было две – урановая и плутониевая. Что принципиальных схем тоже две – пушечная и имплозивная, пояснив, что это такое, и рассказав о Хиросиме и Нагасаки. Затем перешел к Перл-Харбору и его результатам. С одной стороны, ошеломляющим, потому что такого разгрома никто не ожидал. А с другой – очень зыбким, потому что японцы, потопив столько кораблей, не выбили у американцев главную ударную силу флота – авианосцы, не вывели из строя ремонтные мощности американской военно-морской базы и даже оставили в неприкосновенности имеющиеся там гигантские запасы топлива. Следующим был сумбур насчет тактики – ну, там, переход истребителей на пару и четырехсамолетное звено, массирование авиации, танковые засады, отказ от корпусов, ИПТАПы – короче, все, что помнил. А помнил я, как выяснилось, постыдно мало... Затем пришел черед техники: причем начал я не с командирской башенки на «Т-34», и даже не с воздушного фильтра для его дизеля, а с «Катюш». Мало кто знает, что основная часть этого оружия, снаряд «РС-132», был создан еще в 1937 году. А принят на вооружение в 1938-м. Однако его создатель военинженер 1-го ранга Лангемак был репрессирован и расстрелян в том же 1938-м. Именно поэтому в 1941-м мы имели всего лишь одну батарею этого воистину оружия победы. А потом – да, было все. Все, что смог, вот так, с налету, вспомнить. И командирская башенка, и автоматическая сварка корпусов, разработанная Паттоном, и «неправильное» крыло «БИ-1», и литые башни, и «Ла-5» вместо «Лагг-3», и схему размещения силовой установки «Т-44». Ну а потом перешел к золоту, алмазам и нефти. Ну что помнил... Затем сбился на Китай. На предательство СССР Мао Цзедуну, на Даманский, на Китайско-Вьетнамскую войну. Потом вспомнил про корейскую. В том числе и о том, что нельзя нашему представителю демонстративно покидать заседание Совбеза в момент голосования. Но тут спохватился и начал про северные конвои. Про PQ-17. Про рейд «Шеера». Про базу немецких подводных лодок где-то на наших северных островах.

А потом опять о тактике. Затем снова о ресурсах, потому что вспомнил такое название, как Самотлор. Потом заново о диверсантах, о квадратных гвоздях в сапогах, скрепках из нержавеющей стали. После чего вспомнил про Люльку и его ТРД с осевым компрессором. Затем перескочил на низкую боевую стойкость «черных» частей. Кроме того, я настойчиво проталкивал мысль попытаться в эти четыре... то есть три оставшихся дня, вывезти максимум возможного из окружных складов, чтобы было чем вооружать вновь формируемые дивизии, а уж что вывезти не получится, так просто раздать по окрестным частям или подорвать. Особенно горючее... Короче, это был та-а-акой сумбур! Но мой собеседник молча слушал, лишь время от времени подбадривая меня краткими – «понятно», «да», «записал» и задавая, причем очень редко, уточняющие вопросы, на большинство из которых ответов я не знал. И так продолжалось почти полтора часа. А потом мой телефон громко пискнул, мигнул экраном и вырубился.

После того как телефон отключился, я несколько минут молча сидел, ворочая пересохшим языком и тупо пялясь на приборную панель. Что ж, если это не розыгрыш, я сделал все, что мог. Да, мог я мало, но что уж тут попишешь... Даже тот сумбур, который я наговорил, все равно лучше, чем ничего. Нет, ни о какой победе в 1941 и речи быть не может. Немцы, совершенно точно, так же разнесут РККА в приграничном сражении. Вот только, возможно, не со столь разгромным счетом. Насколько я помнил, до сентября наши безвозвратные потери составили то ли два, то ли три миллиона человек. Безвозвратные – то есть убитыми и пленными. А еще были раненые, искалеченные и комиссованные. Если их удастся уменьшить хотя бы на десять процентов, а потери немцев хоть немного увеличить, ой как много изменится уже в 1942-м. Если все сработает, Сталин сможет добиться того, что немцев удастся задержать на линии старой границы хотя бы на неделю дольше. Вследствие чего у нас будет больше времени на эвакуацию промышленности, и она пройдет с куда меньшим бардаком, чем это было в нашей истории. А также получится вывезти хотя бы часть станков и оборудования из Минска и других промышленных центров Белоруссии и Прибалтики, которые в уже состоявшейся истории мы потеряли в первую же неделю немецкого наступления. И наши конструкторы смогут быстрее развернуть производство новой боевой техники.

Хотя будет ли хоть какой-то толк от этих моих советов, я, конечно же, знать не мог. Я вообще к Сталину относился... скажем так, сложно. Первоначально, после вакханалии разоблачений в девяностые годы, я испытывал к вождю стойкую неприязнь. Чем только Иосиф Виссарионович, по мнению либеральных журналистов, не занимался: армию расстрелял, всех интеллигентов посадил

в лагеря, изнасиловал тысячи старшекласниц... или старшекласниц насиловал Берия? Потом, со временем, когда вскрылись многочисленные подлоги, я стал менять свое мнение: сперва на нейтральное, потом на нечто вроде восхищения, а чуть позже – опять попер негатив, только с обратным знаком. Слишком уж реальный вождь оказался мягким, мало преступников и предателей посадил. Одни лишь отпущенные из лагерей «лесные братья» и бандеровцы чего стоят! Которые теперь с важным видом устраивают парады в Прибалтике и Незалежной.

Нет, с тем, что он великий правитель, я был полностью согласен, но и глупостей он наворотил изрядно. Взять хотя бы его национальную политику. Он был ПОСЛЕДНИМ наркомом по делам национальностей. После него эта должность была ликвидирована. Это должно было означать, что национальный вопрос в СССР решен. Но менее чем через двадцать лет после ликвидации этого наркомата национальный вопрос снова встал во весь рост. Причем так, что решать его стали выселением с мест традиционного проживания целых народов. А в 1991 году страна вообще развалилась ровно по тем национальным границам, которыми большевики разрезали древнюю страну. Подумать только – тысячу лет ее собирали из кусков, из вотчин, из уделов, присоединяли ханства, царства, переваривали в себе, принимая в ряды русской элиты самых умных, самых смелых из людей чужого языка – генерала Багратиона, адмиралов Беринга и Крузенштерна, академика Эйлера, генерала и академика Паукера... шли заветом Библии – «нет для меня ни еллина, ни иудея», а потом бац: «ленинская национальная политика».

Впрочем, сейчас уже это никак не исправишь. Сейчас оставалось надеяться на то его качество, которое и делало Иосифа Виссарионовича великим правителем. А именно – на его волю. По этой характеристике Сталин был в ряду самых сильных правителей мира и страны: Карл Великий, Иван Грозный, Кромвель, Петр Великий и... Иосиф Сталин. Тем более что и в тот раз мы выстояли во многом именно на его воле. Так что надежда есть...

Глава 2

19 июня 1941 года,

Западный Особый военный округ

– Добрый день, Георгий Константинович, не знаешь, почему так срочно вызвали?

Начальник Генерального штаба РККА генерал армии Жуков, стоявший у окна, обернулся, смерил подошедшего к нему хмурым взглядом и с несколько недовольным видом пожал протянутую руку.

– Не знаю, Павел Федорович, – нехотя отозвался он. В принципе начальник Главного управления ВВС РККА был его непосредственным подчиненным. Поэтому некоторая фамильярность, налет которой почудился ему в этом вопросе, слегка покорила. Но к летчикам в Стране Советов всегда относились с некоторым пиететом. И им многое прощалось. К тому же к Жигареву благоволил САМ. Поэтому Жуков не стал слишком уж сильно демонстрировать свое неудовольствие. Так, в меру... – Сам теряюсь в догадках. Но, похоже, что-то серьезное. – И он выразительно покосился на остальных присутствующих в приемной Сталина.

Действительно, причины, по которым в эту не слишком-то и большую комнату могли быть собраны все эти люди, должны были быть более чем вескими. Потому что, кроме практически полного набора высшего руководства РККА начиная с наркома обороны Семена Константиновича Тимошенко и самого Жукова, здесь находились практически все наркомы – от бывшего председателя Совнаркома и все еще являющегося НКВД Вячеслава Михайловича Молотова до наркома путей сообщения Кагановича. Но и ими дело не ограничивалось. Судя по той толпе, которая собралась в приемной, тут явно присутствовали и начальники некоторых управлений и главков различных наркоматов. Эта мысль подтверждалась еще и тем, что среди военных так же были не только высшие руководители наркомата обороны и Генерального штаба, но и начальники управлений родов войск и главкоматов и кое-кто из командиров более низкого ранга. Например, от Генерального штаба присутствовали, кроме Жукова, начальник оперативного управления Генерального штаба Герман Капитонович Маландин со своим заместителем генералом Василевским, а также бывший начальник Генерального штаба, ныне заместитель наркома обороны СССР по сооружению укрепленных районов и член Комитета обороны при СНК СССР маршал Шапошников. Кроме того, рядом со столом Поскребышева поблескивал пенсне всесильный нарком внутренних дел генеральный комиссар государственной безопасности Берия, а неподалеку от него стоял начальник Главного разведывательного управления РККА Голиков. При виде последнего

Жукова слегка перекосило. С Голиковым он так и не сработался. Тот был выходцем из политработников и, похоже, навсегда приобрел их родовую черту – «колебаться вместе с линией партии». Поэтому все попытки начальника Генерального штаба обратить внимание товарища Сталина на слишком высокую концентрацию немецких войск вблизи от западной границы СССР и вызванное этим возрастание опасности для... закончить обдумывать эту мысль Жуков так и не успел. Потому что на столе Поскребышева зазвонил телефон. И легкий гул голосов, наполнявших приемную, мгновенно смолк. Александр Николаевич аккуратно снял трубку, пару мгновений вслушивался, потом тихо (но в установившейся тишине почти оглушительно) произнес:

– Слушаюсь, товарищ Сталин, – после чего положил трубку на рычаг телефона и, подняв взгляд, негромко произнес: – Прошу заходить, товарищи...

Сталин стоял у окна. Спиной к вошедшим. И смотрел на улицу. Его кабинет был достаточно просторным, но для столь большого количества народа места для сидения в нем явно не хватало. К тому же, поскольку сам Сталин стоял, никто, даже наркомы, тут же окружившие длинный стол для совещаний, у которого притулилась пара десятков стульев, и не подумал присесть.

Когда Поскребышев, вошедший последним, аккуратно закрыл двустворчатые двери и замер около них с неизменной папкой в руках, Сталин резко развернулся и окинул взглядом всех собравшихся в его кабинете. И Георгий Константинович почувствовал, как у него невольно взмокла спина. Сталин был зол... да что там зол, он был просто взбешен. И хотя генерал Жуков не чувствовал за собой никаких... м-м-м, скажем так, залетов, которые могли бы вызвать подобную реакцию генерального секретаря ЦК ВКП (б), но... все равно было страшно. Очень страшно.

– Садиться нэ предлагаю... – негромко начал Сталин, – но надолго нэ задержу. – Он сделал паузу и еще раз обвел присутствующих бешеным взглядом. В кабинете повисла напряженная и прямо-таки звенящая тишина. Казалось, что собравшиеся люди даже дышать перестали. Ну, еще бы, большинство присутствующих в этом кабинете прекрасно знали, что, когда в речи Иосифа Виссарионовича столь явственно прорезается грузинский акцент, это признак о-о-очень...

– Из заслуживающих доверия источников, – все так же тихо продолжил хозяин кабинета, – нам стало известно, что Германия в ближайшие дни готовится

напасть на СССР, – Сталин на мгновение замолчал, опалив яростным взглядом начальника ГРУ Голикова, от чего тот судорожно сглотнул и пошатнулся, но тут же замер, не рискнув даже вытереть пот, обильно выступивший на мгновенно побагровевшем лице. Но Сталин в следующую секунду отвел взгляд от почти парализованного начальника ГРУ РККА и продолжил: – Наилучший срок нападения – на рассвете, двадцать второго июня. Атакованы будут войска по всей линии соприкосновения. Немецкие фашисты планируют перед рассветом нанести мощный бомбо-артиллерийский удар по всем нашим дислоцированным в приграничных воинским частям, аэродромам, пограничным заставам, а также, одновременно с этим, нанести бомбовый удар по некоторым советским городам, в частности по Минску и Киеву, а также по некоторым приморским городам и базам флота. Причем на Минск и Киев бомбардировщики пойдут без истребительного прикрытия...

Сбоку от Жукова кто-то пошевелился. Начальник Генерального штаба коснулся глаза. Хм... а Жигарева, похоже, последняя фраза зацепила. Ну еще бы! Это как надо наплеватьски относиться к противнику, чтобы бросить бомбардировщики в дальний рейд над вражеской территорией без истребительного прикрытия? Впрочем, никакие из имеющихся у немцев истребителей прикрыть бомбардировщиков в этом рейде были просто не способны. Радиуса действия не хватит. Но если это правда, – каковы наглещи!

– Кроме того, для дезорганизации тыла, нарушения связи и взаимодействия и захвата мостов, а также важных объектов и стратегических складов немецкие войска планируют широко использовать специально подготовленные группы диверсантов из состава полка специального назначения «Бранденбург-800», владеющих русским языком, часть которых будет переодета в советскую военную форму. В том числе и в форму НКВД.

Резко усилившийся грузинский акцент в речи Сталина заставил всех присутствующих буквально окаменеть, при этом стараясь запомнить не только каждое произнесенное слово, но даже интонацию и мимику говорящего... Между тем Сталин повернулся и медленно прошелся вдоль наружной стены кабинета, дойдя до крайнего окна, после чего снова развернулся к присутствующим.

– Сегодня, к часу ночи, я жду от присутствующих предложения по тому, как сделать так, чтобы, если все это действительно окажется правдой, наши войска не оказались бы внезапно под ударами противника, будучи полностью

нэготовыми к схватке, бэз боеприпасов, бэз топлива, бэз командиров, бэз связи, с авиацией, уничтожэнной на аэродромах, и артиллерией, разбитой прямо в парках. Чтобы у немецких фашистов нэ оказалось в достатке горючего, вооружения и боеприпасов, захваченных на наших же складах, которыми они будут стрэлять по нашим же солдатам и заправлять свои танки. Чтобы они нэ смогли использовать наши вагоны и паровозы для снабжения своих войск и вывоза материальных ценностей с временно оккупированной территории СССР. Чтобы наступающий противник нэ получил в свое распоряжение полностью цэлыэ пограничные и приграничные мосты, по которим пойдут их наступающие танки. Чтобы как можно меньшее количество станков, а также квалифицированных рабочих, инженеров и другого персонала с предприятий, расположенных в западных областях СССР, работало би на Трэтий рейх, а вот наши рабочие, эвакуированных на восток предприятий, не били би вынуждены работать в чистом полэ, греясь у костров...

И в этот момент Жукова пробрал озноб. Сталин говорил так, как будто точно, ТОЧНО, черт побери, знал, что все должно случиться именно так – внезапный налет, самолеты, горящие на аэродромах, не успев взлететь, танки, брошенные без горючего, командиры, убитые диверсантами на пороге своих квартир, растерянные солдаты, оставшиеся без командиров, брошенные окружные склады, станки и заводы, мерзнущие рабочие... Но какая разведка была способна доложить О ТАКОМ?!!

– Однако при разработке этих планов я трэбую, чтобы они предусматривали при своем воплощении в жизнь соблюдение максимальной секретности и скритности. Хотя ми практически нэ сомнэваемся, что информация достоверна, но вэроятность ошибки все-таки сохраняэтся. К тому жэ нарушение режима секретности и скритности можэт спровоцироват врага начать войну раньше на сутки или двоэ. А нам, как ви понимаете, в настоящий момент дорог каждый мирный час. – Сталин развернулся и снова прошелся вдоль стены, к окну, у которого стоял в тот момент, когда люди вошли в кабинет. Остановился, бросил взгляд на здание арсенала и, снова повернувшись к присутствующим, коротко бросил:

– Вопросы?

Георгий Константинович, успевший уже слегка «прокачать» озвученную информацию, набычил голову и качнулся вперед:

- Товарищ Сталин, согласно планам стратегического развертывания...

- Ви же сами понимаете, если немцы планируют атаковать через три дня - их армия полностью готова. А мы - нет! - жестко оборвал хозяин кабинета. Но затем чуть сбавил тон: - И за три оставшихся дня никак не успеем закончить развертывание. - Сталин замолчал, помрачнел, а затем добавил: - Исходите из того, что наши войска не сумеют остановить их на линии новой и... - Он запнулся, но затем твердо произнес: - Возможно, и старой границы. И механизированным частям потребуются вам для купирования их прорывов.

По рядам присутствующих пронеслась небольшая волна. А как же... малой кровью - на чужой территории? Нет, часть присутствующих здесь военных и руководителей достаточно хорошо понимала, что это не более чем лозунг, что воевать с немцами будет очень, нет, О-ОЧЕНЬ тяжело. Этот вывод напрашивался из того, как молниеносно немцы разгромили белополяков, еще пару-тройку лет назад считавшихся (вместе с белофиннами) главными противниками могучей Красной Армии. Несмотря на то что в популярной песне пелось, что «от тайги до Британских морей» Красная Армия, несомненно, «всех сильней».

Так что в том, что немец силен, никого из профессионалов убеждать не надо было. Особенно если вспомнить, что не только Польша или там Дания с Грецией были разгромлены немцами практически молниеносно, но и казавшаяся еще год назад могучей и почти несокрушимой Франция была повержена всего за сорок дней. Но до сего момента политическое руководство страны всегда публично демонстрировало полную убежденность в том, что именно «малой кровью и на чужой территории»[4 - Среди руководства страны не было идиотов, считавших что РККА в случае нападения на нас вермахта может немедленно перейти в наступление. Планы предусматривали, что первый эшелон (войска прикрытия, около 60 дивизий) будет сковывать агрессора на приграничных рубежах, а авиация начнет срывать развертывание и воинские перевозки противника. За это время (30 дней) РККА отобилируется и перейдет в наступление. Собственно, именно этот второй этап и отыгрывался на известной штабной игре 1940 года. Однако предусматривались любые варианты неудачного начала войны, вплоть до построения обороны недалеко от Москвы. Ржевско-Вяземский рубеж был отрекогносцирован до войны, как раз после штабной игры.]. И тут такое заявление...

- Понятно, товарищ Сталин, - энергично кивнул начальник Генерального штаба.

– В таком случае жду вас к часу с предварительными предложениями...

После того как кабинет покинул последний из присутствующих, Сталин подошел к столу и, откинув крышку коробки с папиросами «Герцеговина Флор», принялся крошить их, освобождая табак от папиросной бумаги и набивая им свою трубку, продолжая при этом напряженно размышлять, не совершил ли он ошибку, поверив этому странному и непонятному звонку... может быть, стоило собрать Политбюро или хотя бы ближний круг – рассказать, обсудить... Он усмехнулся. Бред! Кто бы ему поверил? Скорее посчитали бы, что Сталин того... Или просто не торопиться, поставить задачу разведке... Но что бы она смогла сделать за три дня? К тому же он сам поверил, поверил в то, что все это правда. И убедил его в этом отнюдь не рассказ незнакомого потомка – не приведенные им факты, не озвученные, причем чудовищные, цифры потерь, не его информация о недостатках новых, еще совершенно секретных видах вооружения и боевой техники, и даже не сведения о новом, ужасающем по силе и мощи оружии, которое собираются разрабатывать американцы, а... всего несколько предложений, которые, судя по всему, были произнесены довольно-таки юной дикторшей с радио:

«Добрый день, сегодня 18 июня 2015 года. Вы слушаете радиостанцию «Огни Москвы». Московское время 17 часов. С вами я, бессменная ведущая Оля Апрель. Сервис «Яндекс-пробки» оценивает движение по Москве в шесть баллов. Затруднено движение по основным вылетным магистралям, практически стоит Третье транспортное кольцо, начинаются проблемы на Садовом. МКАД, внешняя сторона – семь баллов, внутренняя – девять. Десять баллов на Ленинградском шоссе, в районе Сокола, из-за аварии в Алабяно-Балтийском туннеле – ищите пути объезда...»

И убедил его не сам текст, а интонация. То, как девочка все это произнесла. Звонко, задорно, привычно и... абсолютно чуждо. Девочке было хорошо, она была на своем месте и делала обычное для нее дело, рассказывая о совершенно привычных вещах. Но здесь, в этом сегодняшнем времени, ни в одной стране, ни в одной точке земного шара не существовало и не могло существовать ни русскоязычной радиостанции «Огни Москвы», ни сервиса «Яндекс-пробки», ни Третьего транспортного кольца, ни Алабяно-Балтийского туннеля на Ленинградском шоссе, да еще и в районе Сокола – это же почти деревня, откуда там взяться напряженному автомобильному движению?..

* * *

По ночной тревоге полк не поднимали. Оглашение поступившего приказа произошло достаточно буднично, во время утреннего построения. Приказ зачитал выглядевший растерянным комиссар полка. Командир молча стоял рядом, задумчиво ковыряя траву летного поля носком начищенного до синих искорок сапога.

Было о чем задуматься: всем полкам 10-й смешанной авиадивизии 4-й армии предписывалось в двухдневный срок скрытно сменить дислокацию, оставив на стоянках выработавшие ресурс, неисправные или требующие серьезного ремонта «Чайки» и «Ишачки», а персоналу БАО оборудовать из подручных материалов макеты, имитирующие находящиеся на стоянках самолеты. После чего выдвигаться со всей матчастью, запасами горючего и боеприпасов к новым аэродромам. Отпуска и увольнительные отменялись, семьи комсостава настоятельно рекомендовалось немедленно отправить в тыл. Но самое главное – истребителям приказывалось в случае обнаружения над нашей территорией немецких самолетов любых типов сбивать их без переговоров и предупреждения.

– Это что же... война?! – ошарашенно выдохнул кто-то из стоящих в строю пилотов.

– Полк, слушай мою команду! – вышел вперед командир полка майор Акулин. – Равняйся! Я не понял, что это за стадо беременных бегемотов? РАВНЯЙСЬ!!! Смирно! Немедленно приступить к работам согласно полученному приказу! Командирам эскадрилий ко мне! Все прочие, с глаз долой! Разойдись!

Летчики и техники расходились, тихонько переговариваясь.

– Значит, все-таки война! – утвердительно сказал комэску командир первого звена лейтенант Баранов. – Как думаешь, Саш?

Комэск, капитан Александр Захаров, остановился и сделал вид, что прикуривает, пропуская вперед личный состав.

– Похоже на то, Ваня! – предварительно оглядевшись по сторонам, чтобы убедиться – никого из подчиненных рядом нет, согласно кивнул Захаров. Ваньке

довериться можно: летчики приятельствовали много лет.

– Ладно, иди уже, а то комполка сейчас закипит! – Баранов кивнул на притоптывающего ногой в нетерпении командира. – Потом договорим!

Комэски встали вокруг майора Акулина. Все были серьезными, не прозвучало ни одной привычной шуточки.

– Значит, так... – Майор закурил, нервно сломав пару спичек. – Готовых новых площадок, способных вместить всё наше хозяйство, нам, сами понимаете, никто не предложил. Надо самим найти подходящие места. Вы, орлята, чаще других в небо поднимались, должны были окрестности изучить. Есть что-нибудь подходящее на примете?

Комэски переглянулись и промолчали, продолжая курить. Не их это был уровень – думать о подходящих для перебазирования полка площадках. Хотя большинство, конечно, во время тренировочных и патрульных вылетов машинально отмечали места, способные если и не вместить весь полк, то хотя бы выручить, случись садиться на вынужденную.

– Ну, чего молчим? – прищурился комполка. – Никогда не поверю, что вы чего-нибудь не присмотрели уже!

– Подумать надо! – неопределенно пожал плечами Захаров. – С ребятами посоветаться. Карту взять да прикинуть хер к носу. Так, с ходу, ничего и не скажешь. Вы бы, товарищ майор, дали нам время...

– Жду у себя через час с предложениями координат новых площадок! – решительно рубанул Акулин.

К палатке, где размещался летный состав первой эскадрильи, капитан пришел в глубокой задумчивости. Заглянув за полог, жестом поманил наружу лейтенанта Баранова.

– Ваня, дело действительно серьезное. Нам поручили предложить новые площадки, способные принять весь полк, – вполголоса сказал приятелю Захаров. – Тащи карту, думать будем, где необходимое искать! На прикидки

всего час дали, а потом майор фитиль вставлять будет. Начнет с меня! Ты мне пару недель назад что-то такое предлагал, помнишь? Мол, есть местечко, где спокойно можно приземлиться, случись чего с самолетом.

– Помню, конечно! – задумчиво ответил лейтенант. – Есть такое место. Только нужно туда на разведку слетать, руками, так сказать, пощупать. А то, сам знаешь, сверху одно кажется, а снизишься – совсем другое видишь.

Через час командиры эскадрилий докладывали комполка свои соображения. Их оказалось не очень много, при этом часть предложений совпала по координатам. Как ни странно, комполка особого фитиля никому вставлять не стал, даже голос почти не повышал. На предложение комэска-1 о разведывательном вылете для проверки подходящих площадок только кивнул.

– Этим не грех заняться и другим комэскам! – добавил Акулин через пару секунд раздумий. – И лететь надо на боевых машинах с полным боекомплектом.

– Может, все-таки на учебных сгоняем? – осторожно спросил комэск-2. – А если авария, да и не одна, как потом отписываться будем?

– Нет, пойдете на боевых! – отрезал майор, но, увидев удивленные лица комэсков и комиссара полка, снизошел до объяснения: – Объявлено состояние повышенной боеготовности, при проведении разведывательного вылета возможна встреча с самолетами-нарушителями. К тому же на задание пойдут комэски и командиры звеньев – опытные пилоты, должны справиться. Если истребитель сядет и сможет взлететь, значит, найденная площадка готова стать аэродромом. И опять-таки у нас цейтнот: в приказе сказано про СРОЧНОЕ перебазирование – кататься на тихоходных самолетах нет времени!

Захаров кивнул, соглашаясь с комполка по всем пунктам: все рассуждение про аварийность настоящий бич военной авиации предвоенного периода, когда за каждый случай приходилось отвечать по всей строгости, – из мирного времени. А на носу ВОЙНА! Не зря же комиссар краснел и ежился, читая приказ. Командир полка принял решение рисковать, потому что сейчас важнее спасти весь полк, а не отдельные истребители.

Первым из комэсков вылетел капитан Захаров. Ведомым с ним отправился лейтенант Баранов. Второго ведомого[5 - Согласно штатам, в истребительной

авиации ВВС РККА (точно так же, как и в штурмовой, и в бомбардировочной) на начало войны звенья состояли из трех самолетов, что резко снижало маневренность звена истребителей в бою, поскольку при любом резком маневре один из ведомых вынужден был резко шархаться в сторону, чтобы не столкнуться с самолетом ведущего, а второй почти гарантированно отставал от него. Предложения о переходе на пару (как это уже было сделано в люфтваффе) появились еще во время Финской войны (например, за это ратовал Петр Покрышев), но реально переход истребительной авиации на пару начался в 1942 году и длился около года.], совсем молодого летчика, Акулин разрешил не брать, решив не увеличивать шансы на аварию, ведь на найденную неподготовленную площадку придется садиться для проверки, с чем опытные пилоты Захаров и Баранов справятся, а новичок – вряд ли.

Собрались быстро. Когда, прогрев моторы, пара «И-16» вырливалась на взлет, бойцы батальона аэродромно-технического обслуживания под руководством своих командиров уже приступили к сворачиванию инфраструктуры. Из расположения подогнали несколько грузовиков, в кузова которых укладывались ящики с боеприпасами, запасными частями и прочим имуществом, стоящие поодаль полуторки загружались бочками с топливом и маслом. Часть красноармейцев занималась палатками, и Захаров с усмешкой подумал, что ночевать, если они с Ваней не отыщут подходящее место, придется под открытым небом. Еще дальше возились со своим скарбом бойцы аэродромной службы ПВО – этим собираться быстрее всего, лишь загрузить в бортовые автомашины с установленными в кузовах счетверенными зенитными «Максимами» боеприпасы да личное имущество – и можно двигаться. А вообще, шустро БАОшники за дело взялись, похоже, кое-кого комполка все-таки неслабо пропесочил, вставив тот самый фитиль, что милостиво обошел стороной летунов!

С этой глубокой мыслью капитан добавил газа и потянул ручку на себя, отрывая самолет от вытоптанной и заезженной шасси травы летного поля. С отставанием в полминуты взлетел и лейтенант Баранов, привычно пристроившись позади и справа от ведущего. Набрал высоту, истребители легли на заранее оговоренный курс и потянули в сторону от аэродрома, потихоньку отклоняясь на северо-восток.

Первую подходящую площадку нашли быстро. Не особенно большая луговина, с трех сторон окруженная лесом, находилась именно там, где ее и присмотрел во время одного из тренировочных полетов лейтенант Баранов, отметив

на карте как подходящую для аварийной посадки в случае отказа двигателя. С четвертой стороны причудливо извивалась небольшая речушка; еще парой километров дальше располагалась не то деревня, не то хутор. Скорее, последнее – с высоты в полкилометра Александр насчитал меньше десятка дворов, разделенных неправильными четырехугольниками огородов и фруктовыми садами.

Призывно качнув крыльями, капитан жестами сообщил ведомому, что собирается приземлиться. Лейтенант кивнул в ответ, в свою очередь спросив, садиться ли ему тоже. Поразмыслив пару секунд, Захаров принял решение, что да: один самолет – хорошо, но если на луг без проблем сядут оба – лучше. Летный опыт у них разный, если и Ванька с первого захода выполнит посадку, значит, и комполка не придерется к обнаруженной площадке. Длины импровизированной полосы должно с запасом хватить и на взлет, и на посадку, а под деревьями лесной опушки идеально разместятся самолетные стоянки (еще и на масксетях сэкономят, густые кроны отлично скроют юркие «И-16» и «И-153»), и палатки для личного состава, и многочисленное хозяйство БАО.

Прибрав газ, капитан начал снижение, решив приземлиться с первого же захода. Если ему удастся, то и молодые летуны тоже смогут, не рискуя докатиться до самых деревьев, затормозив коками винтов об стволы. Спустя минуту «Ишачок» уже подпрыгивал на редких неровностях почвы, гася скорость. Главное, чтобы под шасси не попало русло какого-нибудь пересохшего ручейка или кочка: сломанной стойки ему еще не доставало в преддверии войны, и так в полку машин некомплект. Истребительная авиация РККА уже начала переходить на новую технику, к массовому выпуску которой приступили авиазаводы, поэтому с запчастями для старой начались перебои.

Но все прошло гладко, и истребитель, прокатившись положенное расстояние, замер метрах в тридцати от крайних деревьев. Отлично! Трясло, конечно, изрядно, особенно на последней сотне метров, но это уже проблема аэродромной obsługi: лишние кочки скопают, рытвины засыплют. Делов-то на несколько часов работы. Стянув с головы шлем, капитан выбрался на крыло и прыгнул на землю. Главное, чтобы движок не заглох: заводить «Ишачок» без помощи аэродромного автостартера – тот еще гембель. Это не простой и безотказный, как валенок, «По-2», который и в поле с пол-оборота заводится.

На десяток метров правее благополучно приземлился лейтенант Баранов и по примеру командира не стал глушить двигатель истребителя:

– Ну, что я говорил, командир? – Простодушное лицо Ивана просто-таки лучилось радостью. – Шикарное место, а? Поле, конечно, подровнять немного, но к утру БАОшники справятся, не впервой. Зато вода рядом имеется, речку видал? А через деревню дорога идет, я заметил, и мостик есть, так что автомашины досюда легко дойдут. Пошли опушку посмотрим? Время пока есть, комполка аж на целых три часа расщедрился.

– Ну, пошли, – улыбнулся капитан, первым двинувшись к недалеким деревьям, едва слышно шуршащим пышными по июньскому времени кронами под напором легкого летнего ветерка. – Но, вообще, ты молодец, что такое местечко присмотрел. Самое главное, и палатки, и самолеты можно под деревьями замаскировать, да и для obsługi места полно. И сверху хрен чего разглядишь.

– Ну, кое-что подвырубить, конечно, нужно, – сообщил товарищ, скептически осматривая нависающие над головой кроны. – Ладно, командир, полетели, что ли? Второго такого места у меня, извини, нету, так что придется поискать.

– У меня есть, Ваня, – неожиданно сообщил Захаров. – Километрах в десяти на восток, может, немного поболее. Не такое, как ты сказал, шикарное, правда, но вполне может подойти. Так что полетели...

Еще одну площадку, при осмотре с высоты вроде бы вполне подходящую, обнаружили спустя пятнадцать минут – капитан немного ошибся, и пришлось нарезать круги по окрестностям, отыскивая отмеченные на полетной карте ориентиры. Садиться на этот раз не стали, экономя время, лишь прошли пару раз на бреющем. Место оказалось не столь удачным, чем первое, но разместить там эскадрилью со средствами обеспечения вполне можно. Узкая полоса вытянувшегося вдоль леса, поросшего травой пустого пространства, зажатого с противоположной стороны невысоким холмом, вполне подходила для взлета-посадки.

Низина, правда, если пойдут дожди, почва размякнет, превратившись в липкую грязь, и взлетать окажется невозможно. Но, во-первых, на календаре сейчас июнь, и сильных ливней не ожидается, скорее, наоборот, жарища стоит – мама не горюй. А во-вторых, война точно будет скоротечной и победоносной, как и пелось в популярной песне известного советского поэта-песенника Лебедева-Кумача. И осмелившийся нарушить нашу границу враг (теперь уже вполне определенный, коль им разрешили сбивать всех, у кого на крыльях

нанесены черно-белые кресты, а на киле – угловатая свастика) будет разгромлен на своей территории в течение максимум нескольких недель «малой кровью, могучим ударом». Так что не о чем и переживать, для временного аэродрома место вполне подходящее. А уж там их снова куда-нибудь перебазируют, скорее всего, на один из захваченных аэродромов уже по ту сторону границы.

Качнув крыльями, капитан Захаров заложил разворот, беря курс на пока еще родной аэродром. Лейтенант Баранов повторил маневр ведущего, пристраиваясь следом. Начальство любит исключительно хорошие новости, и об обнаружении целых двух подходящих площадок следовало доложить как можно скорее. Спустя полчаса оба «Ишачка» первой эскадрильи благополучно приземлились на летном поле спешно эвакуируемого аэродрома.

* * *

– Леонид Михайлович, пришел приказ уничтожить красные пакеты! – сказал своему начальнику штаба генерал-майор Коробков.

– А нет у нас никаких красных пакетов! – невесело усмехнувшись, ответил полковник Сандалов.

– Как это – нет? – удивился командарм.

– А вот так! – грустно сказал Сандалов. – Месяц назад отдали документы в штаб округа на утверждение и до сих пор не получили никакого ответа.

– И почему я ничего не знаю об этом? – удивился Коробков.

– Я докладывал, товарищ генерал-майор! – взвился Сандалов. – Но вы, видимо, пропустили это мимо ушей!

– Не кипятись, Леонид Михайлович! Может, и правда пропустил. Сам знаешь, какая у нас запарка, – примирительно сказал командарм. – Ты не помнишь, что в них?

– Ну, как же не помнить, Александр Андреевич... – усмехнулся начштаба Сандалов. – Ведь мы сами составляли эти планы... При объявлении тревоги

частям предписывалось оставить в расположении минимальный личный состав. В танки и боевые машины уложить боеприпасы, а с объявлением тревоги заправить машины горючим, водой и маслом. Усилить охрану складов, парков и гаражей. Выдать на руки комсоставу карты. Залить водой телефонные элементы питания...

- Чего?! - удивленно перебил полковника Коробков. - Залить водой элементы питания? А заправлять танки горючим только после объявления тревоги? Ты мне лучше сразу скажи, сколько времени займет занятие позиций?

- Почти тридцать часов! - скривился Сандалов.

- Что?! - оторопел командарм. - Я не ослышался?

- Не ослышались, Александр Андреевич! - вздохнул Сандалов.

- Леонид Михайлович, а ты понимаешь, что с такими сроками нас начальство с дерьмом съест? - задумчивым голосом спросил Коробков. - И не поморщится!

- Ну, вы же знаете наше положение, Александр Андреевич. К примеру, части 42-й дивизии рокируются вдоль границы на расстояние от 50 до 75 километров, причём своим ходом. А 100-я дивизия нашей 4-й армии вообще находится под Минском.

- Твою мать! - с чувством сказал Коробков и добавил еще несколько непечатных выражений. - Одновременно с приказом об уничтожении красных пакетов пришло распоряжение подробно доложить о реальном состоянии частей и готовности прикрыть границу. И что я доложу наверх?

- То же, что и раньше! - хмыкнул Сандалов. - Что занятие подготовленных оборонительных позиций будет закончено в течение трех часов после объявления тревоги! А там хоть...

- Трава не расти? - нахмурился командарм. - Ну да... в общем, ты прав, Леонид Михайлович, действительно некоторые части займут позиции минут за тридцать-сорок... Особенно те, которые размещены в Крепости. Не так уж и соврем, да, полковник?

* * *

Пилот дальнего фоторазведчика Люфтваффе «Ju-88D-1» Иоахим Беккер, набрав уже привычный потолок в восемь с половиной тысяч метров, что позволяло не бояться маломощных русских истребителей, в который раз за этот месяц пересек границу Советского Союза. Да и стоит ли их вообще опасаться, если они столь недалеко видны выполняют приказ своего вождя, запретившего не то что атаковать, а даже просто принуждать к посадке на собственные аэродромы любые нарушающие границу иностранные самолеты? У них это называется «не поддаваться на провокации».

Болваны, попробовали бы они вот так запросто полетать с фотоаппаратурой на борту над территорией Тысячелетнего Рейха! Вмиг бы поймали смертоносный гостинец от наземных зенитчиков или рассыпались в воздухе грудой пылающих обломков набора фюзеляжа под ударами бортового оружия «Vf-109»! Зато здесь, над бескрайними просторами европейской части этой варварской страны, которой они буквально через сутки понесут свет истинных европейских ценностей, можно ничего не опасаться. Или даже издевательски покачать крыльями с высоты, недосягаемой для их устаревших лобастых «Крыс».

Беккер усмехнулся собственным мыслям. Да уж, непыльная работенка! Разумеется, когда все начнется, работать придется в куда более сложных условиях, но пока можно и расслабиться. Заправленные чувствительной пленкой и тщательно проверенные высотные фотокамеры «RobotRb 70/30» в бомбовом отсеке ждут своего часа, остается только выйти в заданный квадрат и начать съемку. По данным работающих на территории противника агентов, большевики в приграничных районах подозрительно зашевелились за последние сутки, и подразделениям авиаразведки Люфтваффе был получен приказ немедленно выяснить, в чем дело.

Неужели русские и на самом деле о чем-то пронюхали и сейчас судорожно пытаются вывести из-под первого удара свои передовые части и авиацию? Если данные подтвердятся, это станет неприятным, но отнюдь не смертельным (и даже не болезненным) сюрпризом для Oberkommando: подумаешь, придется потратить пару-тройку лишних дней для пресечения этой их жалкой хитрости, которую сами Советы наверняка считают «военной»! Блицкриг это не задержит, скорее, станет лишней тренировкой для наземных частей и Люфтваффе.

Погруженный в подобные мысли пилот не сразу обратил внимание на вынырнувшие из облаков хищные силуэты новейших советских «МиГ-3». Вероятно, это была какая-то неизвестная Беккеру высотная модификация, уж больно уверенно русские чувствовали себя на недосягаемой для большинства их истребителей высоте. Один нагнал разведчик, зависнув справа по борту – Иоахим четко видел сквозь плексиглас кабины повернутую в сторону «Юнкерса» голову пилота, видимо производящего опознавание цели, – и тут же ушел вниз. Второй изначально пристроился в хвост, словно готовился к атаке.

Ощувив неприятное щекотание внизу живота, Беккер инстинктивно помотал головой: да нет, бред, Советы ни за что не решатся! Они ведь до сих пор свято верят в столь предусмотрительно заключенный великим фюрером пакт о ненападении и не пойдут на то, чтобы сбить дружественный самолет, тем более без предупреждения! Нужно просто взять себя в руки и успокоиться. В конце концов, их пилоты тоже люди, хоть и унтерменши, разумеется, может, просто хотят потренироваться? Или пошутить с союзниками? Или...

Но никакого «или» не последовало...

* * *

Немецкий высотный разведчик командир второй эскадрильи 126-й ИАП старший лейтенант Сергей Иванов засек к концу боевого патрулирования. Двухмоторный «Ju-88D» пер с востока на привычных восьми тысячах, оставляя позади четко различимый в утреннем небе инверсионный след. «Вот же твари, вообще страх потеряли, с утра до вечера летают, даже не маскируются! Это уже даже не наглость, а вовсе нескрываемое презрение. Ну да ничего, этому уже недолго осталось, поскольку вчерашний приказ никаких недомолвок не оставлял: по обнаружении – сбивать! Без вариантов...»

Подав знак ведомым, старлей бросил взгляд на альтиметр, показывающий пять с половиной километров высоты, прикидывая в голове последовательность действий. Добирать оставшиеся три тысячи метров придется быстро, иначе уйдет. Убедившись, что в маску поступает кислород – еще километр-полтора, и без этого никак, – плавно увеличил обороты двигателя, постепенно задирая нос самолета. Интересно, обнаружили их немцы или пока еще нет? Хорошо бы, если нет. В нескольких километрах по курсу разведчика небольшой облачный массив, вряд ли он станет его обходить, так что есть шанс подобраться

незамеченными – пока дотянут до облаков, как раз наберут необходимую высоту. «Так, что там у нас по приборам? Мотор в порядке, температура пока не растет, рулей машина слушается. Вот и здорово». Снова качнув крыльями, Сергей заложил аккуратный вираж, корректируя курс.

Первый ведомый, лейтенант Виктор Ищенко, сразу зашел немцу в хвост, второй ведомый, сержант Петр Гололобов, набрал еще метров сто высоты, прикрывая звено, а комэск приблизился к нарушителю с правого борта, уравнивая скорости напротив отблескивающей плексом кабины «восемьдесят восьмого». Несколько секунд разглядывал противника с расстояния в три десятка метров – немецкие пилоты восприняли их неожиданное появление достаточно спокойно, похоже, не видя в этом никакой опасности. «Нет, ну не наглецы, а?! Раньше хоть без опознавательных знаков летали, а сейчас используют штатные машины со здоровенными, во всю высоту фюзеляжа, черно-белыми крестами, буквенно-цифровым индексом подразделения и угловатой свастикой на киле».

Зло усмехнувшись, старлей уменьшил обороты двигателя и ушел вверх, постепенно отставая от цели. Спустя несколько секунд он находился позади и выше, загоня сверкающий на солнце кокпит высотного разведчика в поле прицела. Большим пальцем привычно откинул предохранитель на гашетке, выжимая спуск. Слитный залп из крупнокалиберного УБС и пары ШКАСов сотряс корпус истребителя мелкой дрожью, и дымные жгуты очередей пересеклись прямо на кабине, словно взорвавшейся изнутри сотнями осколков остекления. «МиГ» лейтенанта Ищенко также дал очередь, разнося в хлам киль и кормовую часть фюзеляжа. Вторая очередь, более длинная, превратила левый двигатель в бесполезный кусок металла, мгновенно превратившийся в раздуваемый встречным потоком воздуха факел. Торопливо отвернув в сторону, чтобы не попасть под обломки расстрелянного мотора и клочья изодранного пулями дюраля, истребитель сделал полубочку, уходя в пологое снижение.

Несколько секунд «Юнкерс» еще летел по прямой, затем рыскнул, лишившись управления, из стороны в сторону, сваливаясь на крыло, и сорвался в штопор, стремительно несясь к земле. Спустя полкилометра левая плоскость надломилась, отлетев в сторону, и разведчик закувыркался, валясь вниз огненным болидом. Качнув крыльями, пара краснозвездных «МиГов» изменила курс, направляясь на свой аэродром. Радиостанций на истребителях не имелось, и следовало как можно скорее доложить командованию об уничтожении нарушившего государственную границу дальнего разведчика противника.

Пилоту Беккеру повезло: крупнокалиберная пуля попала ему в голову в первую же секунду атаки, и он погиб мгновенно. Раненый в плечо штурман и не получивший ни царапины стрелок нижней пулеметной установки, воспользоваться которой он так и не успел, умирали гораздо мучительней, заживо сгорая в пылающем и разваливающемся на части самолете. Вопреки известной русской поговорке, последний испеченный пекарем блин вышел комом[б - Bekker переводится с немецкого как «пекарь»]....

* * *

Личный состав 724-го артиллерийского полка 7-й ПТАБр[7 - Противотанковая артиллерийская бригада.] подняли по тревоге в ночь с двадцатого на двадцать первое июня. Доведенный до комполка приказ заставлял задуматься: противотанкистам предписывалось немедленно покинуть расположение и выступить в сторону государственной границы, где до рассвета оборудовать позиции для всех трех батарей ПТО вблизи шоссе на Белосток. Передвигаться надлежало скрытно, соблюдая правила светомаскировки, позиции после окончания работ – замаскировать. С собой брали только боеприпасы и сухой паек на трое суток. Никаких недомолвок относительно дальнейшего не было – артиллеристам приказывалось перекрыть шоссе, уничтожая фланговым огнем боевую технику и живую силу противника и препятствуя его дальнейшему продвижению в глубь территории СССР. Держаться предстояло до получения соответствующего приказа либо до того момента, когда закончатся боекомплекты.

Куда передислоцируются из Михалово-Городка остальные подразделения бригады – 681-й артполк, штабная батарея, минно-саперный и автотранспортный батальоны и прочие службы, никто из артиллеристов, разумеется, не знал, даже командир полка. Только сам факт того, что ПТАБр спешно сворачивается и следует в направлении госграницы. Впрочем, никто из артиллеристов о подобном и не задумывался, поскольку с головой хватало и своих забот: как водится, аврал протекал со всей сопутствующей неразберихой и бестолковщиной. И если боеприпасы со склада получили без задержек, а политрука, озадаченного срывом запланированного на субботу партсобрания, комполка довольно резко одернул, в приказном порядке отменив оное и посоветовав «не путаться под ногами, а помочь бойцам делом», то с остальным сразу же возникли проблемы.

Катастрофически не хватало транспорта для перевозки всех орудий полка. Трех загруженных под завязку боеприпасами и имуществом штатных гусеничных «Комсомольцев» – четвертый тягач пришлось бросить в расположении из-за забарахлившего мотора – было слишком мало для двенадцати 76,2-мм дивизионных «Ф-22», а на несколько ходок не имелось ни времени, ни горючего. Грузовых же машин в штате имелось всего шестнадцать, и комполка с превеликим трудом и прочими матюгами удалось выбить в автопарке всего пять полторок из этого числа. В итоге решили перевезти восемь пушек первым рейсом, а оставшиеся четыре – вторым, который должен был забрать остаток снарядов.

Загрузив в кузова ящики с унитарами, артиллеристы прицепили зачехленные орудия и первыми покинули расположение. Боеприпасов брали по максимуму, из расчета, чтоб перегруженные грузовики и тягачи смогли тянуть еще и полторатонные ПТО. Спустя полчаса после отъезда у одной из добытых всеми правдами и неправдами автомашин заглох мотор, и «Газ-АА» замер посреди дороги, стопоря движение. Начинаящий закипать комполка не предвещавшим в будущем ничего хорошего голосом предупредил шофера, что если через пять минут колонна не продолжит движение, то он в лучшем случае не выберется из рядов вне очереди, а в худшем – пойдет под трибунал по закону военного времени. Перепуганный водитель справился за четыре минуты.

До места добрались за полтора часа и после проведенной командиром полка вместе с комбатрами рекогносцировки приступили к оборудованию позиций, благо пересеченная местность и вплотную прилегавшая к шоссе лесопосадка позволяли без особых проблем замаскировать орудия. Меньше всех повезло третьей батарее, которой пришлось окапываться на открытом месте, но уж больно оно оказалось тактически выгодным. Крутой поворот не позволял противнику заранее засечь артиллерийскую засаду, а высокие кюветы и болотистая луговина – свернуть с дороги, воспользовавшись возможностью маневра. Кроме того, позиция занимала господствующую высоту, располагаясь на вершине плоского холма. Пара выстрелов по головной и замыкающей машине – и колонна неминуемо окажется в огненном мешке.

Капониры рыли до самого рассвета, завершив инженерные работы, когда небо на востоке уже заметно посветлело. Несмотря на нехватку времени, укрытия оборудовали по всем правилам, предусмотрев даже вынесенные на несколько десятков метров в сторону щели для укрытия артиллерийской obsługi в случае авианалета. Замаскировав пушки нарубленными в посадке ветвями

и растянутыми на шестах рыбацкими сетями с накиданными сверху все теми же ветками и травой, с успехом заменявшими дефицитные маски, которых в полку отродясь не было, разгрузив боеприпасы и отогнав в укрытия транспорт, смертельно уставшие артиллеристы получили разрешение поспать. Повалились на теплую землю в буквальном смысле слова кто где стоял. На ногах оставались лишь сам командир полка, комбатыры да взмыленные связисты, прокладывая проводную связь между позициями. Связь же со штабом дивизии планировалось вести при помощи радиостанции – радиста обещали прислать завтра. Ну, в смысле уже сегодня, двадцать первого июня.

Закурив, лейтенант Сазов, командир первой батареи, устало опустился на откос капонира, на дне которого раскорячилась на врытой упорами в землю станине готовая к бою семидесятишестимиллиметровка:

– Товарищ майор, это что же, значит, война?

– Война, лейтенант, – не стал спорить комполка, зашуршав спичечным коробком. Вспыхнувшее на пару секунд пламя на миг высветило лицо с запавшими от усталости глазами.

– Может, все же маневры? Ну, типа, в условиях, приближенных к боевым? – неуверенно вступил в разговор комбатр-три, лейтенант Рогозин. – У нас же с немцами пакт, все дела. Неужто сунутся?

Зачем-то поправив ремень портупей, командир полка пожал плечами:

– А что, похоже на маневры?

– Вообще-то не особо... – уныло согласился тот.

– Вот именно. Выходит что? Выходит, коль мы получили именно такой приказ, наша разведка точно знает, что война. Потому нас и дернули, выводя из-под первого удара. И теперь именно от нас зависит, пройдет ли враг на нашу землю или прямо на границе кровавыми соплями умоется.

– А как же тогда «не поддаваться на провокации»? Или отменили?

Комполка криво усмехнулся, стряхивая под ноги пепел:

– Вот ежели по этой самой дороге послезавтра с рассветом поперет немецкая колонна километра в полтора длиной, да с танками, бронемашинами, мотопехотой – ты это как расценишь? Как провокацию? Или как войну?

– Так какая ж это провокация, тарщ майор? Война, конечно. Провокация – это ежели, допустим, с той стороны по погранзаставе стрельнут или самолет ихний на нашу территорию залетит.

– Ну, вот ты сам на свой вопрос и ответил, лейтенант. Ладно, хватит языками трепать, докурили? Тогда все, двигайте на позиции, каждому по два часа сна, это приказ. В семь ноль-ноль доложите о готовности батарей. И про маскировку помните, чтобы ни с неба, ни с земли ничего заметно не было. Охранение лично проверьте, нечего бойцов расслаблять, пусть видят, что командиры не спят.

– А вы, товарищ майор?

Командир полка кивнул в сторону запыленной по самую крышу «эмки», смутно различимой в предрассветных сумерках. Шофер дремал, присев на узкий порожек и привалившись спиной к водительской дверце:

– Дело у меня имеется. Но к назначенному времени буду. Ну, и чего встали? Шуруйте отдыхать.

Следующий день прошел в хозяйственных заботах. Артиллеристы заканчивали дооборудование и маскировку позиций, разгружали боеприпасы и оттирали унитары от заводской смазки, обслуживали орудия. Командиры расчетов проводили рекогносцировку, намечали ориентиры и нарезали сектора стрельбы. Несколько бойцов отправились на одном из грузовиков к ближайшей реке за водой – и для бытовых нужд, и для увлажнения грунта впереди капониров, дабы предупредить демаскирующий эффект и загрязнение прицелов поднятой выстрелами пылью.

После обеда прибыли обещанные командованием радисты из отдельного батальона связи, разместившиеся в разбитой под деревьями лесопосадки палатке, куда тут же отправился командир полка. О чем он разговаривал с комбригом, никто не знал, однако наружу комполка выбрался мрачнее тучи.

Собрав подчиненных, он коротко сообщил, что, по данным разведки, немецкое нападение начнется завтра между тремя и четырьмя часами утра с массированного авианалета по разведанным целям и артиллерийского удара по приграничным объектам и погранзаствам. Соответственно примерно к полудню переправившиеся через Буг наземные силы уже могут быть здесь. Еще раз напомнив о строжайшей маскировке, особенно в случае появления авиационной разведки, и необходимости усиленного боевого охранения, майор отпустил ошарашенных лейтенантов к подчиненным.

* * *

Неожиданным поздний вызов в штаб обороны Крепости, с позавчерашнего дня возглавляемый капитаном Гончаром, командиром 3-го батальона 333-го стрелкового полка, для лейтенанта Кижеватова не был. Чему уж тут удивляться, учитывая события последних суток?!

Удивляться, товарищи красные командиры, стоило гораздо раньше, например когда пошли перебежчики с немецкого берега, упрямо твердившие на допросах практически одно и то же: гитлеровцы собрали по ту сторону Буга значительные наступательные силы и средства обеспечения, оборудовали склады боеприпасов и горючего и готовят вероломное нападение. Которое начнется с артобстрела крепости ранним утром в двадцатых числах месяца. Даты, правда, назывались разные, от восемнадцатого до двадцать четвертого июня.

После оформления и первичного допроса всех их немедленно отправляли в особый отдел округа. Вот только о том, что они показывали следователям в Бресте, лейтенант Кижеватов, начальник 9-й заставы 17-го Брестского погранотряда, и понятия не имел – рангом, как говорится, не вышел. Но зато после каждого задержания всем причастным в очередной раз строго-настроено напоминалось о необходимости не поддаваться на провокации, не говоря уже про распространение панических настроений среди личного состава и гражданских, особенно членов семей комсостава.

Расправляя под поясным ремнем гимнастерку, Андрей Митрофанович иронично хмыкнул про себя: а вот интересно, те немецкие авиаразведчики, что всю последнюю неделю, окончательно обнаглев, летали над нашей территорией на малой высоте – казалось, плевком сбить можно, не то что из винтовки или счетверенной зенитно-пулеметной установки, – это как, провокация? Может,

знак добрососедских отношений и прочего безукоснительного выполнения пакта о ненападении? Или как раз наоборот, самая что ни на есть подготовка к этому самому нападению? Эх, сколько времени зря потеряли! У нас ведь как – пока гром не грянет, мужик не перекрестится, да? Вот именно...

Гром грянул в четверг, девятнадцатого июня, когда командование то ли поверило немецким дезертирам, то ли, что скорее, разведка получила-таки неопровержимые доказательства скорого нападения гитлеровских войск на СССР. И во второй половине дня из штаба округа поступил приказ начать немедленный скрытный вывод из Крепости войск и эвакуировать семьи комсостава. А это, между прочим, почти девять тысяч человек. Девять тысяч! Восемь стрелковых батальонов, артиллеристы, разведка, проходящий военные сборы приписной состав двух стрелковых дивизий, медики, конвойные части НКВД и прочие службы. Плюс три сотни семей комсостава, во многих – по несколько детей, как и в его семье! Их ведь в колонну по двое не построишь, и с орущими дитяи на руках ночным маршем, да с веселыми матерками, не погонишь!

Одним словом, очень правильное, хоть немного и запоздалое решение, чего уж там: страшно даже представить, что случилось бы в случае окружения и блокады Крепости, внутри которой оказалась бы заперта такая уйма народу! А если при этом еще и уничтожить артиллерийскими и авиационными ударами склады, арсеналы, казармы со спящими бойцами, инфраструктуру, прежде всего водопровод и электроподстанции? Разгром, никак иначе подобное и назвать невозможно. Причем разгром поистине катастрофический. И с семьями командование правильно решило: гражданских под удар подставлять никак нельзя! Да и вообще, если командир будет уверен, что семья в безопасности, он куда лучше воевать станет, назад поминутно не оглядываясь и не отвлекаясь на посторонние мысли, которые в бою только мешают.

В итоге последние три дня, считая вместе с сегодняшним, слились в один сплошной и не прекращающийся ни на час круглосуточный аврал. Гитлеровцы еще в начале месяца установили на своей территории несколько наблюдательных вышек, откуда отлично просматривалась практически вся территория Крепости и где постоянно дежурили наблюдатели. Поэтому боевые части эвакуировались исключительно в темное время суток, соблюдая строжайшие правила светомаскировки – командиры подразделений гарнизона вполне обоснованно опасались, что иначе ни о какой секретности и скрытности не может идти и речи.

Одновременно – об этом Кижеватов знал, можно сказать, «из первых рук» – НКГБ через своих агентов активно распространял в Бресте и окрестностях слухи о выводе войск в полевые лагеря на плановые маневры. Никакого сомнения, что дезинформация в самое ближайшее время достигнет ушей завербованных немецкой разведкой предателей, у чекистов не было – подобных «элементов» среди местного населения, к сожалению, хватало. Самое интересное, что планы по выводу войск на летние учения на самом деле существовали, по ним части гарнизона крепости должны были уйти в лагеря еще пятнадцатого июня, однако по какой причине их отменили, пограничник не знал.

Днем вывозили гражданских и материальные ценности, стараясь не формировать колонн, привлекающих внимание немецких наблюдателей и авиаразведчиков. Которых, к слову, ни двадцатого, ни двадцать первого в небе заметно не было – ходили слухи, что нашим дали добро сбивать вражеских соглядатаев, что пилоты с удовольствием и выполняют, но подтверждать эти сведения командование не спешило.

Но вроде успели – последние автомашины и запряженный лошадьми гужевой транспорт покинул Крепость буквально пару часов назад, уже в темноте. Первым делом выводились (своим ходом, разумеется, но с полной выкладкой и аж тройным боекомплект) стрелковые части, вывозились боеприпасы и горюче-смазочные материалы, с минимумом личных вещей эвакуировались гражданские. После возвращения освободившихся грузовиков настала очередь вещевых и продуктовых складов, штабных архивов, которые эвакуировали под охраной бронетранспортеров то ли в Брест, то ли сразу в Минск, и госпитального хозяйства. Судя по всему, командование всерьез допускало, что территория может попасть в руки противника, и старалось не допустить захвата гитлеровцами материальных ценностей и боевого имущества, минимизируя потери.

Что-то, разумеется, оставляли в Крепости, просто не имея ни времени, ни физической возможности забрать с собой, но Кижеватову отчего-то казалось, что за подобные мелочи никто ответственности нести не станет, просто спишут с молчаливого согласия командования как вышедшее из строя или утерянное в ходе боевых действий. Главное – удалось спасти людей. И не просто людей, а подготовленных и обученных красноармейцев, которым совсем скоро придется идти в бой!

Убедившись, что кобура и командирский планшет на своих местах, Кижеватов надел фуражку с зеленым околышем, привычно совместив ребро ладони с козырьком. И, повинувшись всколыхнувшемуся в груди желанию, неизвестно зачем обошел погруженную в темноту квартиру, после отъезда семьи ставшую какой-то чужой, словно отсюда внезапно ушла частичка тепла. Все так же поскрипывал под подошвами сапог крашенный коричневой масляной краской дощатый пол и отсчитывали минуты ходики на стене, однако что-то было не так. Что-то изменилось – навсегда, навечно. И Андрей Митрофанович неожиданно с особой остротой осознал, что больше сюда не вернется. Ни сам, ни с семьей. Раздраженно помотав головой, пограничник торопливо выскочил на крыльцо. Что за глупые паникерские мысли, конечно же, вернется, пусть и не сразу! Недельки через две-три, когда отбросят гитлеровцев от границы да погонят на запад, и вернется. И семья приедет, куда денутся.

За спиной щелкнула закрывшимся «английским» замком дверь, и лейтенант двинулся в сторону штаба, негромко похрустывая сапогами по мелкому речному песку, выстилавшему пешеходные дорожки. Спустя несколько минут быстрой ходьбы по погруженной в полутьму Цитадели Кижеватов уже подходил к входу в штабное здание, возле которого застыл часовой с «трехлинейкой». Примкнутый штык тускло отблескивал в свете ночного фонаря стальными гранями. Отдав честь вытянувшемуся и козырнувшему караульному и зачем-то оглядевшись по сторонам, пограничник скрылся в гулком подъезде. Поднявшись на второй этаж, он остановился возле знакомой двери и постучал:

– Разрешите?

– Заходите. А, это ты, Андрей? Быстро прибежал, молодец. – Комбат-3 333-го стрелкового полка капитан Гончар, ныне назначенный комендантом обороны Крепости, призывно махнул рукой, приглашая внутрь. Пограничник усмехнулся: быстро не быстро, а остальные-то уже в сборе, он, как ни крути, последним пришел! Похоже, волнуется капитан, мандражирует, так сказать, на время не глядит. – Бери стул и падай поближе к столу, в ногах правды нет, особенно в такое время. Если хочешь, кури.

Пододвинув свободный стул, Кижеватов уселся, быстро оглядевшись. В кабинете командира 42-й стрелковой дивизии генерал-майора Ивана Сидоровича Лазаренко, до позавчерашнего дня отвечавшего за оборону Крепости в военное время, было достаточнолюдно. Большинство присутствующих Андрею Митрофановичу оказались знакомы: вон склонились над расстеленной

на столешнице картой командиры рот третьего стрелкового батальона, за их спинами маячат трое его погранцов, занимающих посты командиров отделений. У раскрытого окна, старательно выдувая наружу дым и стряхивая пепел в заполненную окурками пепельницу, расположился незнакомый немолодой артиллерист в звании старшего лейтенанта, судя по возрасту, наверняка недавно призванный из резерва. Поодаль, возле самой стены, еще двое командиров с петлицами инженерных войск – этих Кижеватов, обладающий профессиональной памятью на лица, тоже ни разу не видел.

Внешне все спокойны, но опытного пограничника не обманешь: спокойствие это определенно напускное, на самом-то деле волнуются люди, ох как волнуются! Скрывают просто, чтобы, значит, слабость свою друг перед другом не показать. И правильно делают, кстати. Подчиненным слабость и неуверенность командира видеть ни в коем случае нельзя! Иначе – паника и упаднические настроения, а значит, снижение боеготовности.

Что же до присутствующих в штабном кабинете командиров – тоже вполне понятно: согласно озвученному еще девятнадцатого июня плану, оборона Крепости возлагалась на плечи бойцов его родной 9-й заставы и пехотинцев капитана Гончара. В поддержку выделялись две батареи легких противотанковых пушек по четыре «сорокапятки» в каждой и зенитчики, поскольку анализ прошлых кампаний однозначно показывал, что без танков и авиаподдержки гитлеровцы воевать не станут. Немного, но и не мало, чтобы выдержать первый натиск. А немцы? Пусть себе лупят по пустым казармам и складам, расходуя снаряды и бомбы. Здания-то заново отстроят, главное, людей сберечь да задачу выполнить. Жаль только, что часть ДОТов так и не достроена и не укомплектована в полной мере ни личным составом, ни вооружением и боеприпасами. Правда, этим вроде бы вчера тоже занимались, но крайне сомнительно, что успели что-то изменить. Первую атаку почти наверняка отобьют, а вот затем? Затем, скорее всего, придется отводить людей под защиту укреплений цитадели... отводить тех, кто после этой самой атаки уцелеет, конечно...

– Товарищи командиры, – устало потерев переносицу, позвал Гончар, обращаясь к артиллеристу и саперам. – Подойдите, пожалуйста, к столу. Давайте еще раз оговорим некоторые детали нашего взаимодействия во время... – Комбат на миг запнулся, словно не решаясь окончить фразу, но все же произнес твердым голосом: – Во время завтрашнего немецкого нападения.

Кижеватов понимающе усмехнулся про себя: ну еще бы, когда девятнадцатого до него приказ довели, он тоже немного того... ошалел, ежели не материться. Все они отлично понимали, что война с гитлеровцами, скорее всего, неминуема, но вот когда тебе неожиданно называют конкретное время и дату – это, знаете ли, словно ушат ледяной воды на башку! До сих пор, если уж честно, под ложечкой сосет, противно так, словно он боится. С другой стороны, себе-то к чему врать? Есть страх, есть. Не погибнуть, нет – Родину не защитить да противника на передовом рубеже не остановить. Ну а собственная жизнь? Так он красный командир, и жизнь его все той же Родине и принадлежит. Не был бы готов за Отечество умереть, служил бы в конторе счетоводом каким-нибудь или инженером на заводе стал...

– Товарищ лейтенант, – продолжил Гончар, по всей форме обращаясь к пограничнику. – Нет-нет, сидите. Доложите, пожалуйста, о готовности ваших бойцов.

– Слушаюсь, товарищ капитан, – не стал менять правила игры Кижеватов. – Согласно плану, ночью мы займем оборону казарм триста тридцать третьего стрелкового полка и Тереспольских ворот. Помимо личного состава заставы – а это полторы сотни бойцов, из которых почти половина старослужащие, остальные – призыв прошлого года, все прошли специальную подготовку в округе – под моим командованием находятся еще около двух сотен красноармейцев из числа курсантов школ младших командиров погранвойск, кинологов и автошколы[8 - Об этой автошколе нет достоверной информации. Определенные сомнения в правильности официально указанной специализации вызывает ее расположение – на Западном (Пограничном) острове, с трех сторон окруженном потенциальным противником. Выжившие свидетели героической обороны крепости вспоминали, что в данной «автошколе» не было гаража, автодрома, отсутствовали учебные автомобили. А когда на рассвете 22 июня 1941 года на Западный остров проникли немецкие штурмовые отряды, в несколько раз превышающие по численности личный состав школы, все фашисты были уничтожены «шоферами» в рукопашной схватке...]. Последние дни большинство из них находилось в патрулях и секретах, направленных на поиски немецких диверсантов, и потому не успело эвакуироваться. Считаю нецелесообразным использовать их в качестве пехоты при обороне крепости и прошу разрешения уйти сегодняшней ночью в Брест. Там они точно лишними не будут, сами знаете, в городе уже который день то стрельба, то очередная диверсия.

Капитан Гончар хмыкнул и сказал:

– Отвод курсантов спецшкол разрешаю. Не стоит гробить ценных специалистов, на обучение которых страна затратила немалые средства. Но чем мы заполним брешь в личном составе?

– Из Брестского управления наркомата сообщили, что нам в поддержку будет направлен отряд ОСНАЗа НКГБ... правда, когда он прибудет, и прибудет ли вообще, я не знаю. Согласно моему приказу, оружейные комнаты и арсеналы вскрыты, оружие и боеприпасы находятся в подразделениях. С вооружением и боеприпасами проблем нет, у нас девять пулеметов и три пятидесятимиллиметровых миномета с боекомплектами, личный состав заставы еще восемнадцатого июня, до поступления директивы, перевооружен самозарядными винтовками «АВС-38» и «СВТ-40». Кроме того, за последние двое суток мы получили сверх штата три станковых пулемета «Максим» и пять ручных «ДП-27»...

Все присутствующие обменялись понимающими улыбками. Этот аттракцион невиданной щедрости затронул не только пограничников. Батальону так же перепало изрядно сверхштатного вооружения, как советского производства, так и польских трофеев. Вплоть до противотанковых ружей. Откуда у вечно прижимистых интендантов прорезалась столь невиданная щедрость, никто точно сказать не мог. Просто тихо порадовались и... громко выматерились. Поскольку сверхштатное вооружение потребовало формирования сверхштатных расчетов, у которых к тому же на обучение было всего два-три дня, на каковые к тому же пришелся и без того жуткий аврал.

– ...так что огневые возможности заставы серьезно возросли, – продолжил Кижеватов. – Гранат тоже достаточно.

– Что с размещением? – спросил Гончар.

– Позвольте. – Поднявшись на ноги, пограничник взял со стола карандаш и склонился над картой Крепости, четкими движениями указывая на необходимые квадраты. – Основные опорные пункты я разместил в этих местах, пулеметные позиции – здесь. Станковые пулеметы разместил тут, тут и тут, у нас их три штуки, ручные – в подготовленных вчера деревоземляных огневых точках усиленного типа, вот в этих местах. Для защиты личного состава

во время артобстрела оборудованы перекрытые траншеи и ходы сообщения. Проводная связь налажена, провода заглублены в землю, если не будет прямого попадания, будет работать.

– Грамотно, – поразмыслив несколько секунд, одобрил Гончар. – Добро, если совсем припечет, мы сможем к вам на помощь вовремя подоспеть... если нас самих к тому времени на позициях намертво не зажмут. – Капитан едва заметно дернул щекой, с трудом сдерживая волнение.

– Товарищ старший лейтенант, – взяв себя в руки, обратился он к артиллеристу, – оборудование позиций закончили?

– Так точно, – кивнул тот. – Орудия уже на местах и замаскированы подручными средствами, расчеты получили необходимые указания, боеприпасов, правда, маловато – успели вывезти с артсклада, прежде чем я хватился, но отбить несколько атак сможем. Огонь буду вести преимущественно фланговый, задерживая продвижение бронетехники и транспорта противника вот на этом, – он указал на карте, – и этом направлении. А больше немцам и неоткуда наступать, поскольку они в любом случае привязаны к мостам через Западный Буг и Муховец. Жаль, пушечки у меня слабоваты. – Пожилой артиллерист грустно улыбнулся. – Но тут уж что есть, не обессудьте, товарищ капитан. Продержусь, сколько смогу.

– Понял. Кстати насчет мостов. Что нам саперы хорошего расскажут?

– Мосты подготовлены к подрыву, – начал доклад один из командиров инженерных войск. – Надолго немцев это вряд ли остановит, много времени на то, чтобы навести понтонный мост, им не потребуется...

– Ну, это мы еще поглядим, – не сдержавшись, хмыкнул капитан Гончар. – Под массивным винтовочно-пулеметным огнем мост наводить – это не по Европе парадным строем шагать. Да и наши минометы дотуда вполне добьют – если что, угостим дорогих гостей. Хотя в чем-то вы правы, конечно, надолго они там не задержатся. Продолжайте.

– А вот в этих квадратах мы ночью установили противопехотные минные поля, дороги тоже заминировали, но уже противотанковыми минами и фугасами. Взрывчатка и мины у нас еще остались, жаль, совсем немного, так что, когда... э-

э... все начнется, готовы действовать по обстоятельствам.

– Добро, товарищ младший лейтенант, принимается. Ну, что ж, товарищи командиры, тогда обговорим еще несколько моментов, и расходитесь по подразделениям. Про усиленные посты и секреты, полагаю, можно не напоминать? Особенно это вас касается, товарищ Кижеватов, – Андрей Митрофанович молча кивнул. – Вот и отлично, держите на личном контроле. И постарайтесь поспать хотя бы несколько часов, завтра ожидается тяжелый денек. Приказывать я вам, конечно, не могу, но искренне рекомендую так и поступить. Прекрасно понимаю, что все мы уж который день на нервах, но отдохнуть нужно обязательно. Все, продолжаем совещание...

Глава 3

22 июня 2015 года,

окрестности Бреста

После этого странного разговора я приходил в себя почти несколько часов. Всё прокручивал в голове продиктованную информацию. Ох, как же хреново вышло! Наговорил вагон второстепенной ерунды, а многие важные моменты упустил. Ну так ведь не готовился же! Мало, очень мало я знаю про времена Второй Мировой. На уровне школьника – канву основных событий. А надо бы изучить сей вопрос повнимательнее. Вдруг нам опять удастся поговорить? Телефон, послуживший коммуникатором между веками, я теперь всё время носил с собой, проверяя и подзаряжая батарейку.

А знания? Как быть с ними? Пришлось закопаться в Интернет. И чем больше я «выкапывал», тем больше понимал: я НИЧЕГО не знаю по истории Великой Отечественной войны! Ничегошеньки! Все мои «знания», которыми так приятно блеснуть в кругу друзей, когда нетрезвый разговор скатывается с темы хвастовства личными достижениями на «глобальные» вопросы отечественной истории и мировой политики (а с них на баб и отдых), – пустышка! Коллекция мифов...

А с другой стороны, тот сумбур, что я вывалил на Вождя, легко мог оказаться наиболее правильной подачей информации – Сталин внимательно перечитает заметки, рассортирует, САМ выявит наиболее важное. Потому как готовых решений для минимизации последствий трагедии сорок первого года ДО СИХ ПОР не придумали! Чтобы хоть как-то избежать огромных потерь в людях, технике и территориях, надо было самим наносить удар в январе 1941 года. Пока у немцев на границе было не более тридцати дивизий. Да и то шансы на победу не столь велики: без боевого опыта командиров всех уровней, без «прикатки» техники, без сколачивания подразделений, многие «гениальные» задумки не могут быть воплощены в жизнь.

К примеру, нет смысла пытаться формировать за четыре дня до начала войны воздушные армии. Да и вообще, их создание в сорок первом году, даже весной – несбыточная мечта. В принципе создать-то можно, а вот использовать с толком данный «инструмент» не выйдет. Чтобы научиться этому, советскому командованию надо пройти через «горячее» лето и «пылающую» зиму первого года войны.

Столь же нелепыми будут любые политические реформы. Выпустить из ГУЛАГа всех политических? Глупость несусветная: кроме сидящих по доносам своих же коллег технических специалистов, там хватает и всякой сволочи, бездельников, партийных карьеристов, гадящих вполне реально. Распустить колхозы? Еще того хлеще – остаться без базиса перед лицом самой страшной в истории нашей страны войны.

После всех метаний и вполне интеллигентских рефлексий (хотя я никогда не причислял себя к интеллигентам – у меня профессия есть!), моя совесть немного притихла от мысли, что даже простое предупреждение о точной дате нападения – большое благо. Надеюсь, что в этот раз наших бойцов не застанут спящими в казармах, а боевую технику – на стоянках, с разобранными для ремонта и профилактики двигателями. И патроны с опечатанных складов раздадут в части, и самолеты заправят топливом и боеприпасами.

Но в душе все равно шевелился червячок сомнения – ведь можно, можно было сказать больше! На всякий случай я хорошенько подготовился к новому разговору – забил в планшет кучу разной полезной информации. Вплоть до подробнейших карт боевых действий, с точным указанием расположения немецких и советских частей, количества солдат, техники и маршрутов движения.

Утром третьего дня после разговора, в воскресенье 21 июня, я не выдержал и, торопливо побросав в дорожную сумку бритвенные принадлежности, трусы, носки и запасную рубашку, рванул на «Субарике» в направлении западной границы. Мне почему-то до зубовой боли захотелось побывать в Бресте, своими глазами посмотреть на Крепость, пройти по местам, где наши предки приняли неравный бой, но не сдались.

Тысячу километров я пролетел почти без остановок, добравшись до места назначения поздним вечером. На ночлег устроился в гостинице поселка со смешным названием Бульково, неподалеку от города. Привычно проверил перед сном заряд аккумуляторов смартфона и планшета (всё было в норме – я постоянно, через равные промежутки времени, подзаряжал девайсы от прикуривателя, не давая уровню опуститься ниже 50 процентов) и мгновенно отрубился, едва успев прилечь на кровать в удивительно чистом и уютном, хотя и очень маленьком, номере.

Приснилась мне почему-то армейская юность. Торжественное построение на плацу родного училища и я – молодой новоиспеченный лейтенант, подкидывающий вверх фуражку. Видимо, так мозги пытались настроиться на нужный лад.

Проснулся перед рассветом, сказалась привычка спать не больше пяти часов. Правда, дома я ложился гораздо позже полуночи, а вчера «срубился» в детское время – в начале одиннадцатого. Поплескавшись под душем и почистив зубы, я присел, чтобы перекусить купленными в придорожном кафе бутербродами, и наконец более-менее спокойно подумал: а на хрена я вообще сюда приехал?

Принять участие в церемонии памяти? Я несколько раз видел по телику – такие устраивают в Крепости 22 июня. Пройтись по развалинам, обожженным взрывами бомб и снарядов, обильно окропленным кровью советских бойцов? Проникнуться обстановкой? Пожалуй... все равно на месте, в Москве, мне бы не усиделось! Решено – еду в Брестскую крепость!

Первую странность заметил, отъехав от поселка метров на двести – проскочив неширокую полосу легкого тумана, вдруг увидел, что дорога, по которой я накануне проезжал, изменилась волшебным образом. Словно ночью тут прошлись тяжелые бульдозеры, содрали весь асфальт и оставили после себя щебёночные «волны». Дальше непонятки пошли косяком – пискнул навигатор,

на экранчике высветилась надпись: «Потеряна связь со спутниками». Я машинально достал и проверил смартфон – он тоже показывал отсутствие связи.

– Что за?.. – сказал я вслух и тут увидел в светлеющем утреннем небе... идущие на восток самолеты.

Самолеты были... старыми. Летели, на мой взгляд, довольно медленно. Гудели моторами. На современные военные или гражданские аппараты не походили совершенно. Больше всего они напоминали бомбардировщики, виденные в кадрах кинохроники времен Великой Отечественной войны. Я не большой знаток антикварной техники и не могу вот так, всего лишь по силуэту, определить тип летательного аппарата, однако мне почему-то показалось – самолеты немецкие. Как-то само собой вспомнилось название – «Ю-88». Просто от пикировщика «Ю-87» (тоже виденного в кинохрониках) они отличались наличием двух двигателей. Хотя с тем же успехом самолеты могли оказаться какими-нибудь «Хейнкелями».

Нет, я, конечно, знал про реконструкторов. И видел у них на «пострелушках» нехилую технику – совершенно аутентичные танки и бронемшины. Но чтобы они использовали самолеты? Очень сомнительно! Да и наскреби они даже пару десятков разнокалиберных машин – об этом бы трубили на всех телеканалах.

Я остановился на обочине и вылез из автомобиля. Самолеты продолжали пролетать надо мной большими группами. И как-то вдруг в памяти всплыли строки песни: «Двадцать второго июня, ровно в четыре часа...» Смотрю на часы – три тридцать.

И тут вдруг полыхнуло на западе! Окутанный легким туманом город Брест подсветился многочисленными яркими вспышками. А через пару секунд до меня докатился звук. Любой человек, служивший в армии, не смог бы перепутать этот грохот ни с чем другим, ни с громом, ни с салютом – там, у границы, работала артиллерия. Много пушек. Десятки, а то и сотни стволов.

Первой мыслью было: на Белоруссию напало НАТО! Но почему с использованием антикварных самолетов? Разум еще цеплялся за привычные штампы, придумывал происходящему рациональное объяснение, однако в глубине души я понимал – что-то случилось со мной. Снова случилось... Только на этот раз

из прошлого прорвался не голос вождя, а ВСЁ прошлое. Целиком! Или, вернее, это я сам неведомым образом провалился... Куда? Да, мать его, скорее всего именно в 22 июня 1941 года!

Это открытие настолько потрясло меня, что минут пять я просто простоял, тупо глядя то на взрывы, то на пролетающие бомбардировщики. Но в какой-то момент что-то неуловимо изменилось. В сплошной грохот вплелись посторонние нотки. Я не сразу сообразил, что перемена звукового сопровождения артобстрела вызвана... вступлением в бой нашей артиллерии! Да, подали голос мощные орудия на нашей стороне! И не прошло и трех-четырех минут, как количество вспышек взрывов в нещадно обстреливаемом немцами Бресте пошло на спад. Видимо, наши артрязведчики засекли позиции немецких батарей и теперь раскатывали их тяжелыми гаубицами. Но как же так? Насколько я помнил источники, в первые часы войны Красная Армия практически не вела контрбатарейной борьбы, настолько был силен фактор внезапности. Просто не успели занять позиции, потеряв матчасть и большую часть личного состава прямо в местах постоянной дислокации. А здесь... а здесь, получается, наши успели вывести орудия из парков... заранее? Значит, все-таки помог мой разговор с Вождем? Успели наши подготовиться?

Тут и в небе появились новые участники – сверху на немецкие бомберы упали сотни (как мне показалось) юрких маленьких самолетиков, некоторые даже с двумя крыльями. Красивые, словно на воздушном параде, ряды двухмоторных «Юнкерсов» (или «Хейнкелей») мгновенно рассыпались. Хваленые асы люфтваффе явно не ожидали никакого противодействия! Вот загорелся и пошел к земле первый бомбардировщик, вот второй, вот уже и третий... А, нет! Третьим оказался сраженный хвостовым стрелком биплан с красными звездами на крыльях. Бой в небе начал набирать обороты – количество горящих машин увеличивалось с каждой секундой. К земле, оставляя дымные следы, устремились уже десятки самолетов. К сожалению, сбитых было примерно поровну. Но и такие потери оказались для немцев неприемлемыми – я заметил, что один из бомберов вывалил свой груз прямо в «чистое поле» и, облегченный, развернулся на запад. Ага, еще один торопливо и неприцельно сбросил бомбы и попытался удрать. Тщетно – его догнали и сбили.

Однако праздник расстрела неприкрытых бомберов продолжался недолго – через пять – семь минут на выручку своим избиваемым бомбардировщикам прилетели немецкие истребители. Карусель воздушного боя закрутилась с новой силой. Эх, нашим бы пропустить бомберы в глубь своей территории, километров

на сто-двести. И там спокойно бить... Не додумали, выходит, опыта маловато. А может, просто побоялись пропускать – мало ли на какой объект нацелены немцы – кто-то на Минск, а кто-то на Кобрин. Вот и пропускай их, а потом последствия расхлебывай.

Я следил за сражением в воздухе еще полчаса. За это время большинство бомбардировщиков или было сбито, или развернулось и удрало на свою территорию. Истребители продолжали свою «собачью свалку» еще минут пять, пока у обеих противоборствующих сторон не закончилось топливо и боеприпасы. Небо постепенно очистилось. Пора и мне подумать о своих дальнейших действиях.

Ну, с главным из «интеллигентских» вопросов: «Кто виноват?» всё вроде бы понятно – виновата та самая сила, соединившая четыре дня назад мой мобильник с телефоном Сталина. И теперь я воочию наблюдаю промежуточные итоги этого разговора.

А вот второй «интеллигентский» вопросец: «Что делать?» так и стоит на повестке. Что МНЕ теперь делать, куда деваться? Поехать в Брест? Так там сейчас явно будет не до меня – немцы прорвутся в город уже через пару часов. И не дай бог, меня в «Субарике» примут за врага – долго разбираться не будут – полоснут из пулемета и всё, поминай как звали. Не поболтать больше с Вождем, не поучить его уму-разуму...

Ехать в Кобрин? Более здравая мысль – там штаб 4-го корпуса, там должно быть гораздо спокойней, все-таки полста километров от границы. По крайней мере, сразу на поражение стрелять не будут, сначала попытаются разобраться, что за человек к ним приехал на чудо-автомобиле.

Решено: еду в Кобрин!

Не успевший остыть движок «Субару» завелся с пол-оборота. Я вырулил на дорогу (если так можно было назвать это «направление») и поехал в сторону шоссе. Ехал медленно, опасаясь разбить подвеску на колдобинах. К счастью, погода стояла сухая, жидкой грязи на полотне не было и препятствия отлично просматривались.

И вот, засмотревшись, увлекшись процессом выбора правильной траектории среди ухабов и ям, я перестал следить за окружающей обстановкой, за что немедленно поплатился. «Субарик» проехал примерно километра полтора, я уже видел насыпь идущего с востока на запад Московского шоссе, как позади машины что-то грохнуло и меня осыпало осколками стекла. И не только стекла – ударив по тормозам, я несколько секунд зачарованно пялился на большой иззубренный осколок, торчащий из внутрисалонного зеркала заднего вида. Смерть пролетела в десятке сантиметров от моей головы.

Что это вообще было? Выйдя из шокового состояния, я рванул ручку, чуть не вырвав ее из крепления, распахнул дверь и буквально вывалился из машины. Быстро осмотрелся по сторонам, прячась за кузовом – вокруг никого. Шальной снаряд? Так до границы больше десятка километров! Сюда только тяжелые орудия могут добить, а дымящаяся в полусотне метров сзади воронка от взрыва, чуть было не отправившего меня на небеса, не выглядит очень большой. Сюда явно не «чемодан» прилетел. Да будь это снаряд тяжелого орудия, я бы сейчас тут не ползал. От «Субарика» только куски железа остались бы, а от меня – пара килограммов мяса, тонким слоем размазанного вокруг. Погоди-ка, я чуть не отправился на небеса?.. Небеса, блин!

Торопливо поднимаю голову к небу. Точно! На довольно большой высоте виден двухмоторный самолет, который, форсируя движки, что было заметно по дымным выхлопам из патрубков, удирал на запад. Видимо, это один из немецких бомбардировщиков, «облегчился» «куда бог пошлет», вряд ли он с такой высоты рассчитывал попасть в одиночную движущуюся цель вроде моего автомобиля. Вот так повезло!

Определив причину незапланированной остановки, я обошел «Субарик» по кругу. Твою мать!!! В заднем борту, кроме разбитого стекла, множество других повреждений – оба фонаря разбиты, бампер просто решето, но что самое хреновое – покрышки в клочья. Причем на обоих задних колесах, а запаска у меня только одна. Да и та в багажнике, которому больше всего досталось. Ну-ка, глянем...

С трудом подняв перекоженную крышку, я заглянул в багажник. Ящик с инструментами и пластиковый кейс с домкратом – в клочья, гаечные ключи разбросаны по всему полику. Резкий запах бьет в нос – пробило аэрозольный баллончик с «вэдэшкой», универсальной смазкой. А что с запасным колесом? Приподнимаю панель полка... Трындец запаске – на покрышке множество

рваных дыр. И к запаху «вэдэшки» добавился новый аромат – бензина. Похоже, что и бак пробит. Всё, блин, отъездился...

А до Кобрина добрых три десятка километров и ходок из меня... Неважный ходок, прямо скажем – я долгих прогулок не люблю, на работу и домой исключительно на машине мотаюсь, активному отдыху предпочитаю диван и пиво. Хорошо хоть зарядку по утрам делаю, на турнике подтягиваюсь, чтобы жиром не заплывать. Но три десятка километров... А что делать? Остаться на месте? Так, насколько мне помнится из истории (а сейчас, после дотошного изучения именно этого периода, я весьма неплохо «владел матчастью»), Брест будет окружен немцами примерно к полудню. И хотя тут утро первого дня войны сразу пошло не так, как было в моей реальности, но проверять степень изменения обстановки как-то не хотелось. Да, наши вполне могли вывести войска из Крепости, взорвать мосты и сделать еще множество полезных и добрых дел. Но немцы – мужчины серьезные. Вояки опытные, изобретательные, инициативные... найдут, чем ответить на внезапное изменение обстановки. Поэтому – надо идти, уносить ноги и прочие жизненно необходимые организму части тела в безопасное место. Может, я попутку какую поймаю?

Я быстро закинул в спортивную сумку разбросанные по салону гаджеты, бутылки с водой и упаковки «сухого корма». Переложил в карман брюк своего постоянного спутника – складной нож, прошедший со мной, как я шутил, «две войны». Им и колбаску можно порезать, и огурчики с помидорчиками на закусь. И плохих людей... Были прецеденты в далеком прошлом.

Что еще полезного прихватить? Китайские гаечные ключи из ремонтного набора? Ага, из хромомолибденового сплава, как писалось на этикетке! Нервно рассмеявшись случайной шутке, я еще раз осмотрел усыпанный битым стеклом салон и воняющий бензином багажник «Субару». Ну, вроде бы все более-менее ценное прихватил.

Хотя, конечно, самое ценное в моем автомобиле – сам автомобиль. С невиданным здесь компактным инжекторным двигателем, с оригинальной подвеской и полным приводом. Не считая бортовой электроники. На мгновение мелькнула мысль бросить спичку под днище, где уже набралась большая лужа бензина. Но дурная идея сразу улетучилась – попади «Субарик» к нашим, это же какой технологический прорыв можно организовать, особенно в довесок к тем сведениям, что хранятся на десятке флешек. А если достанется немцам – им все

равно это чудо японского автомобилестроения не поможет войну выиграть. В «тот раз» проиграли, а в этот тем более огребут. Вон как наши «ястребки» немецкие бомберы разогнали! Любо-дорого посмотреть! Надеюсь, что и дальше игра пойдет не в одни ворота, как «в прошлый раз».

Перекинув ремень сумки через плечо, я бодро зашагал к шоссе, периодически поглядывая на небо, чтобы с него опять не прилетел новый неожиданный подарочек. Но самолетов не наблюдалось. Вообще ни одного. Удивительно – вот буквально несколько минут назад наверху ревело, рычало, татакало и бумкало, а сейчас – тишина. Похоже, что уцелевшие вернулись на родные аэродромы и сейчас торопливо заправляются топливом и пополняют боекомплект. Интересно, кто успеет первым?

Денек обещал быть жарким. Во всех отношениях. Светать начало всего час назад, а то и меньше, но температура воздуха уже поднялась до приятных восемнадцати градусов. Что же будет в полдень? В хорошем темпе я дошел до шоссе, поднялся на невысокую насыпь и огляделся. На западе что-то горело. Черт, да что значит «что-то»? Черные столбы поднимались почти по всему горизонту. И в самом Бресте, и на юг от него. На севере дыма почему-то было чуть меньше. На востоке, в стороне Кобрина, тоже виднелись три или четыре дымовых столба. А не слабо нашим досталось!

В ближайших окрестностях никакого движения не наблюдалось – шоссе будто вымерло. Это, в общем, было объяснимо – только что закончился первый огневой налет. Военнослужащим сейчас ездить некуда, вся их «работа» должна происходить в ППД или на оборонительных позициях – они растаскивают завалы, собирают и перевязывают раненых, подсчитывают невосполнимые потери, проверяют оружие, тащат боеприпасы. И мне хотелось бы думать, что большая часть бойцов встретила войну именно в оборонительных сооружениях, а не в пунктах постоянной дислокации. Впрочем, гражданским тоже не до поездок друг другу в гости – они вообще должны в шоке пребывать.

Оценив обстановку, поправил ремень сумки и двинулся на восток. С шумом втягивая ноздрями пахнувший гарью воздух, я выдыхал ртом, старательно синхронизируя дыхание с ритмом шагов, но все равно, через пятнадцать минут довольно быстрой ходьбы, одолев, как мне показалось, километра полтора, изрядно запыхался. И ведь это только начало пути, впереди еще километров тридцать, а то и сорок! Жаль, что навигатор сдох, сейчас бы точно расстояние до цели узнал. Впрочем, чем бы это знание мне помогло? Минут через десять

дыхание сбилось окончательно и пришлось резко снизить темп. Теперь я еле плелся, но натруженные незнакомой нагрузкой ноги предательски болели. Хорошо хоть, что догадался надеть для поездки в Белоруссию «спортивные» туфли на толстой и мягкой, как у кроссовок, подошве, а не обычные городские полуботинки. А то бы сдох километром раньше!

После часа неспешной (вынужденно неспешной!) «прогулки» я почти полностью вымотался, взмок, сбил дыхание. В довесок ко всему вышеперечисленному судорогой свело мышцы на моей «больной» ноге – правой. Как правило, все травмы, синяки, ссадины, вывихи и переломы приходились именно на нее. Захравав, я понял, что пешая часть моего маршрута закончена и надо искать альтернативный способ транспортировки брэнного тела гостя из будущего.

Сбросив сумку с плеча и вытерев обильно струящийся по лбу пот, снова тоскливо оглядываюсь по сторонам. Шоссе по-прежнему пустынно. А вот это уже странно! Больше часа прошло после нападения – уже должны появиться первые ласточки будущего броуновского движения – делегаты связи. А за ними на дорогу выйдут санитарные машины, технички, грузовики с боеприпасами. Потом начнется передислокация резервов и шоссе забьется под завязку колоннами пехоты, танками, бронемашинами, артиллерийскими тягачами. Но сейчас... хоть бы один мотоциклист мимо проехал – так нет никого! Ни к фронту, ни с фронта... Тишина!

Внезапно рядом со мной, обдав клубом пыли, тормознул небольшой грузовичок. И как это я проворонил его приближение? Из кузова на меня с любопытством смотрели два молодых солдата в лихо заломленных пилотках и непривычного покроя гимнастерках без погон. За правым плечом у каждого висела винтовка, почему-то с примкнутым штыком. Впрочем, после трехсуточного серфинга по Интернету в поисках инфы о Великой Отечественной, я знал почему. Трехлинейки пристреливались со штыком.

«Главное – не назвать этих ребятишек солдатами! – вдруг подумалось мне. – Здесь пока даже звания такого нет – рядовой!»

Пока мы с бойцами пялились друг на друга, из кабины грузовичка, скрипнув дверью, выбрался военный чуть более старшего возраста, чем красноармейцы. Правда, не больше, чем года на два-три. Этот парень имел на петлицах по четыре треугольничка и вместо пилотки носил фуражку с черным околышем.

«Четыре треугольника – это знаки различия старшины! – немедленно вспомнил я. – А черный околыш означает принадлежность к техническим службам. Да, вот и пушечки скрещенные на петличках – артиллерист!»

– Здравия желаю, тарщ старшина! – первым разговор начал я.

– Здравия желаю, товарищ... – Старшина замялся, не понимая, как меня идентифицировать.

А я не спешил ему помочь, продолжая беззастенчиво пялиться на ребят, их обмундирование, оружие, грузовик. Ведь это всё НАСТОЯЩЕЕ! Это не реконструкция, это действительно мои предки. Ну, не прямые, понятно, хотя оба моих деда, по отцовской и материнской линиям, участвовали в войне.

Но именно что «участвовали» – мамин отец пять лет просидел в штабе Каспийской флотилии, в комендантском взводе, умудрился из сержантов дослужиться до звания младшего лейтенанта, и в 1945 году даже получил медаль «За оборону Кавказа», коей жутко гордился. Я в детстве думал, что мой дед герой – весь его пиджак был увешан наградами. Как потом выяснилось – юбилейными медальками. А про героизм деда на ниве комендантской службы мне потом, уже в юности, бабуля рассказала.

Отец папы тоже не успел повоевать, но по другой причине – погиб в первые дни войны на Юго-Западном фронте. Так что мои непосредственные предки никак не могли оказаться здесь и сейчас, уж это я знал достоверно.

Старшина, заметив мое повышенное внимание, напрягся. Зачем-то оглянувшись на стоящих в кузове бойцов, словно в поисках моральной поддержки, он положил ладонь на кобуру. Но в этот самый момент наверху засвистело. Красноармейцы и я синхронно подняли глаза к небу – с одинокого, летящего на довольно большой высоте самолета на нас падали несколько черных капелек. Бомбы!

Умом я понимал, что надо что-то сделать, отбежать в укрытие, но ноги, будто в страшном сне, приросли к земле, а тело охватила странная слабость. Я застыл возле грузовика, подобно соляному столбу, даже дышать перестал. Бомбы уже совсем близко, видно, как они слегка вращаются вокруг своей оси. Неужели моя поездка к Вождю вот так и закончится, практически на самом старте?

Я отчаянно рванулся и... ткнулся мордой в какую-то стенку. Откуда она в чистом поле? Так это же павильон автобусной остановки! По-белорусски аккуратной, чистенькой, даже матерные граффити на стенах почти отсутствуют. Полторки с бойцами и самолета в небе не было. Да и шоссе изменилось самым радикальным образом, одевшись в асфальт. Это что же – меня назад перекинуло? Выходит, что воздушный бой, взрыв бомбы, посеченный осколками «Субарик», красноармейцы на полторке... остались в далеком прошлом.

– Блин, в общем и целом съездил удачно! – вслух сказал я, подводя итог произошедшему. – Машину только жаль, хороший был автомобильчик...

До Бреста я добрался всего через час – почти сразу к остановке подошел автобус, везущий в город толстых теток из окрестных деревень. Судя по кошелкам с клубникой, на базар. Высадили нас на автовокзале, откуда я за пять минут дошел до железнодорожного вокзала. Немного подумав, купил билет на поезд до Москвы, отправляющийся около полудня.

И только потом присел в зале ожидания, продолжая внутренний монолог, начатый в автобусе:

– Неужели у меня получилось изменить историю? Всего одним звонком? Ведь не было в нашей реальности такого грандиозного воздушного сражения!

Вдруг в какофонию бурлящего вокруг меня зала ожидания вплелся какой-то привычно-домашний звук. Я недоуменно завертел головой, стараясь уловить его источник. Звук шел из дорожной сумки. Блин, да ведь это пищит планшет! На него поступил вызов? Но как? Дело в том, что симка на планшете у меня использовалась только для Интернета, поэтому ее номер я никому не давал – просто не было необходимости, для общения вполне хватало телефона.

С замиранием сердца я вынул гаджет из чехла. Так и есть – входящий звонок. Определился номер звонящего – «Батоныч». Я несколько секунд недоуменно пялился на имя абонента. Поскольку никаких «телефонных книг» на планшете отродясь не было, определить номер не мог никак, даже если Батоныч действительно сумел бы каким-то волшебным образом дозвониться. Неужели... снова? Осторожно, словно боясь спугнуть, тыкаю пальцем в значок ответа.

– Слушаю! – буквально прохрипел я сиплым от волнения голосом. Несколько секунд из динамика планшета не слышалось ни единого звука, а затем послышался такой знакомый голос...

– Товарищ, это снова ви? – раздался из динамика голос с характерным акцентом.

– Да, товарищ Сталин, это я!

– Ви оказались правы, товарищ... простите, я так и не спросил, как вас зовут!

– Виталий, товарищ Сталин! Меня зовут Виталий Дубинин!

– Ви оказались правы, товарищ Дубинин! – повторил голос из динамиков планшета. – Немцы напали на нас, как ви и предсказывали – буквально два часа назад. У нас здесь сейчас воскресенье, двадцать второе июня, почти пять часов утра. Но ми благодаря вам приняли меры и, насколько мне успели доложить из Генерального штаба, успешно отражаем немецкое нападение!

– Я видел, товарищ Сталин! – сказал я, оглядываясь.

Сидящий рядом пожилой благообразный мужчина вздрогнул, услышав мое обращение к собеседнику.

– Видели? Но как? – удивился мой собеседник.

– Да я каким-то неведомым образом перенесся к вам... – вздохнув, ответил я. – Сам не понимаю, как это произошло! Я был в окрестностях Бреста, километрах в пятнадцати-двадцати от границы. Но где-то через час меня перебросило назад. К тому времени обстрел Бреста практически прекратился. Тут, правда, непонятно – то ли он и по плану должен был идти всего тридцать минут, то ли нашим все-таки удалось подавить немецкие батареи. И воздушный бой постепенно затихал – истребители успешно разогнали бомбардировщики. Понесся при этом довольно большие потери. Как бы не три к одному.

– Вот как... – Сталин на несколько секунд замолчал, вероятно обдумывая, как получить выгоду от моего физического нахождения в его времени. – Если ви еще раз вдруг окажетесь... у нас, немедленно свяжитесь со мной. Я дам команду

на ваш поиск, но... там сейчас такая обстановка...

– Я понимаю, товарищ Сталин... Постараюсь отъехать подальше от границы, а ваши люди подберут меня в безопасном месте. Дело в том, что после нашего первого разговора я подготовился: набрал много полезной информации по всему ходу войны. И не только про войну, но и по экономике, политике, науке, технике – почти весь спектр! Мне обязательно нужно с вами встретиться! Срочно встретиться!

– Слюшаю! – Голос Сталина тут же посерьезнел, а из динамика планшета послышался шелест бумаги. Качество связи было просто изумительным, и это наталкивало на мысли о том, что вряд ли Сталин говорит со мной с помощью примитивного угольного микрофона аутентичного для его времени телефона...

– Я тут посидел на форумах, пообщался с народом и вот что высидел: во-первых, нам бы надо оттянуть на как можно более долгий срок вступление в войну тех стран, которые пока еще в нее не вступили. В первую очередь – Финляндии и Венгрии. А в нашей истории Финляндия вступила в войну 25 июня после атаки нашими ВВС восемнадцати финских аэродромов. До этого с территории Финляндии действовали только немецкие ВВС и ВМС...

– Кхм... вы считаете, что, если ми не нанесем этого удара, нам удастся избежать участия Финляндии в войне?

– Нет, – мотнул я головой, в очередной раз наткнувшись на ошарашенный взгляд соседа. – Не удастся. Точно не удастся! Хрена лысого финские «ястребы» упустят возможность поквитаться за Зимнюю войну. Но если получится оттянуть полномасштабное участие Финляндии в войне хотя бы на неделю-другую – и то будет очень хорошо. А вот на это шанс есть. Потому что именно во время налетов с двадцать пятого по тридцатое июня парламент и президент страны Ристо Рити объявили, что Финляндия вновь стала жертвой советской агрессии и вынуждена вступить в войну. Если же финским «ястребам» придется уламывать парламент чуть подольше, нам, возможно, за это время удастся чуть лучше подготовиться, построить оборонительные рубежи и удержать Петрозаводск. Да и удар в этом случае можно подготовить намного лучше. А то в нашей истории... ну, которая была до изменения... от четырехдневных налетов трехсот бомбардировщиков финны, по их собственным учетам, потеряли всего один самолет. Да и тот всего лишь повредили. Разведывательное обеспечение операции оказалось из рук вон плохим. Например, наши упорно старались

разбомбить некий аэродром Порво, которого у финнов вообще не существовало! А вполне реальный аэродром Везивехмаа, где базировались тридцать «Брюстеров», основные силы наиболее боеспособной истребительной авиагруппы под командованием майора Магнуссона[9 - Истребительная авиагруппа LLv 24.], наши самолеты за четыре дня вообще не сумели найти. То есть реальных потерь эти налеты финнам не нанесли, зато дали в руки их «ястребам» отличный аргумент для скорейшего вступления в войну. Тем более что, не найдя аэродромов и боевых подразделений, которые оказались отлично замаскированы, наши самолеты нанесли удар по электростанциям, промышленным предприятиям и другим целям в городских кварталах. Вследствие чего несколько поколений финнов верило, что целью советских бомбардировок были не военные объекты, а именно города. Представьте, как они к нам после этого относились и насколько стойко сражались...

- Понятно... - от голоса, которым было произнесено это слово, у меня мурашки по коже пошли.

И я запнулся, не успев сообщить Сталину, что наши летчики, наоборот, понесли довольно значительные потери. По некоторым оценкам, за четыре дня налетов от действий финских и немецких истребителей, зенитной артиллерии и, как это ни прискорбно, от «дружественного огня» было потеряно около восьмидесяти самолетов. Впрочем, даст бог, в этот раз все будет несколько по-другому. Предыдущей-то полученной от меня информацией Иосиф Виссарионович распорядился куда как с толком. Ну, если судить по тому, что видели мои глаза...

- А, и насчет Венгрии... - продолжил я после некоторой паузы. - Ее вступление в войну произошло из-за того, что двадцать шестого июня советские самолеты по ошибке разбомбили город Кошице. По ошибке. Поскольку на самом деле летели на словацкий город Прешов. Но заблудились.

В динамике раздался сухой треск. Похоже, у Сталина сломался в руке карандаш... Ну еще бы, такие новости о ляпах самой лелеемой части РККА - военно-воздушных силах.

- Но это не единственная версия! - поспешно добавил я, опасаясь, как бы Иосиф Виссарионович не испортил ситуацию, одним махом оставив ВВС без руководства. Даже такого, малокомпетентного и явно неадекватного. Впрочем, по итогам разгрома первого года войны всё командование ВВС

все равно попало под раздачу. Рычагова сняли еще до начала войны, а двадцать четвертого июня вообще арестовали и потом расстреляли. Жигарев снят в сорок втором и отправлен на Дальний Восток.

Уж не знаю, как бы воевали арестованные Алкснис (сейчас уже расстрелянный), Локтионов и Смушкевич (еще ожидающие расстрела), но те, кто пришел после них, облажались по полной. Однако что-либо советовать Сталину в этом отношении я не собирался. Кто его знает, как оно там было на самом деле, то есть кто на самом деле и в чем виноват и что реально было необходимо сделать... Если только намекнуть, что у него вскоре образуется жуткий дефицит подготовленного командного состава и поэтому кое-кого из пока еще не расстрелянных «врагов народа» стоит попридержать, а потом, может быть, и как-то использовать. Хотя бы, для начала, в штрафных батальонах...

- Еще есть предположения, что это была провокация немцев, которые использовали для налета трофейные польские бомбардировщики «Лось», очень похожие на наши СБ. Или румыны. У них с венграми давние «терки», окончательно не прекратившиеся даже сейчас, в двадцать первом веке... Румыны-то вступили в войну против нас вместе с немцами – двадцать второго июня и имели серьезные опасения, что если венгры не будут втянуты в войну с СССР, то сохранят силы, и после, несомненно, по их мнению, победоносного окончания войны ослабленная потерями румынская армия может подвергнуться атаке полнокровной венгерской...

- Понятно... – прозвучало из динамика уже гораздо более спокойным тоном.

- Но главной пока является версия именно об ошибке советских бомбардировщиков, – осторожно добавил я. Не хватало еще, чтобы успокоенный немецкой или румынской версиями Иосиф Виссарионович расслабился и... впрочем, вот я идиот: кого тут учить надумал?!

- Не беспокойтэсь – разберемся! – Голос Сталина снова посуровел, но уже не настолько, как в первый раз. А потом его голос снова подобрел:

- Ви настоящий кладезь бесценных сведений, товарищ Дубинин! – мне показалось, что Вождь усмехнулся. – Нам непременно нужно встретиться!

- Так точно, товарищ Сталин! – почему-то по-уставному ответил я.

– Тогда, как снова окажетесь в нашем времени, постарайтесь как можно быстрее связаться с любимым особым отделом. Я дам команду, чтобы вас, по представлению, немедленно переправили в Москву... Товарищ Дубинин, вы меня хорошо слышите?

– Так точно, товарищ Сталин! Слышу громко и четко! – снова по-армейски ответил я. Слышимость оставалась просто великолепной.

«Блин, да как мы вообще можем разговаривать? – мелькнула мимолетная мысль. – Через ноосферу Земли, мать ее? Совершенно ясно, что дело тут не в чудесах техники: вряд ли мой корейский планшет сумел подключиться к правительственной связи образца сорок первого года».

– О! Как вы по-военному отвечаете! – удивился собеседник. – Вы военный? Я как-то в прошлый раз забыл спросить... не только ваше имя. Хотя если подумать... то те сведения, которые вы мне дали тогда...

– Да, товарищ Сталин, я военный! Правда, бывший... – чуть смутился я. – Комиссовали после ранения.

– Вы воевали? Когда? С кем?

– Можно сказать, что усмирять внутренний мятеж – после распада Союза некоторые провинции России тоже решили отделиться, вот армию и кидали...

– Что?!! – буквально проревело из динамика. Сидящий рядом пожилой дядька аж подскочил. – Советский Союз распался?!! Как?!! Когда?!!

– В девяносто первом году, товарищ Сталин! Как?.. – Я замялся.

И что тут отвечать? Предательство? Но чего стоит страна, которую можно разрушить простым предательством? И как тогда объяснить, откуда в ПЛАНОВОЙ экономике может появиться такое понятие, как «недострой»? Как в ПЛАНОВОЙ экономике мог появиться такой субъект, как снабженец-«толкач»? А эти пресловутые выезды в «колхоз»? В СССР даже анекдоты ходили: «Для какой цели в СССР создается группа, объединяющая математика, физика, военного, музыканта, филолога и педагога? – Для уборки картошки!»

или «Ну что, у вас опять мяса нет? – У нас нет рыбы. Мяса нет в магазине напротив». До какой же степени надо было довести народ, чтобы он позволил разрушить свою страну за доступ к колбасе и шмоткам! Да что там позволил – сам же радостно и разрушил, поддержав всяких уродов, обещавших колбасно-джинсовое изобилие. И ведь как сейчас жалеет... но из песни слова не выкинешь!

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Герой не профессиональный историк, ориентируется на информацию из открытых источников. Впрочем, по этим фактам существуют разные мнения, но авторы считают, что это, скорее всего, миф, запущенный либеральными журналистами. А вот факты вооружения в конце 1941-го войск однозарядными винтовками «Бердана № 2», использующими патроны на дымном порохе, подтверждены документально.

2

План Dropshot – разработанный в США план войны против Советского Союза и его союзников. Утвержден Комитетом начальников штабов 19 декабря 1949 года. Предусматривал атаку 166 русских городов 300 ядерными и 29 тыс. тонн обычных бомб. Первый же план войны с СССР – Totality был разработан

американцами еще в конце 1945 г.

3

Операция «Немыслимое» – кодовое название двух планов (наступательного и оборонительного) на случай военного конфликта между Великобританией и СССР, разработанных весной-летом 1945 г., в рамках которого предусматривалось снова вооружить сдавшиеся в плен западным союзникам немецко-фашистские дивизии заранее складированным в непосредственной близости от лагерей военнопленных трофейным оружием и включить их в состав объединенных войск. Согласно ему, датой начала боевых действий было запланировано 1 июля 1945 года Японией.

4

Среди руководства страны не было идиотов, считавших что РККА в случае нападения на нас вермахта может немедленно перейти в наступление. Планы предусматривали, что первый эшелон (войска прикрытия, около 60 дивизий) будет сковывать агрессора на приграничных рубежах, а авиация начнет срывать развертывание и воинские перевозки противника. За это время (30 дней) РККА отобилируется и перейдет в наступление. Собственно, именно этот второй этап и отыгрывался на известной штабной игре 1940 года. Однако предусматривались любые варианты неудачного начала войны, вплоть до построения обороны недалеко от Москвы. Ржевско-Вяземский рубеж был отрекогносцирован до войны, как раз после штабной игры.

5

Согласно штатам, в истребительной авиации ВВС РККА (точно так же, как и в штурмовой, и в бомбардировочной) на начало войны звенья состояли из трех самолетов, что резко снижало маневренность звена истребителей в бою,

поскольку при любом резком маневре один из ведомых вынужден был резко шарахаться в сторону, чтобы не столкнуться с самолетом ведущего, а второй почти гарантированно отставал от него. Предложения о переходе на пару (как это уже было сделано в люфтваффе) появились еще во время Финской войны (например, за это ратовал Петр Покрышев), но реально переход истребительной авиации на пару начался в 1942 году и длился около года.

6

Bekker переводится с немецкого как «пекарь».

7

Противотанковая артиллерийская бригада.

8

Об этой автошколе нет достоверной информации. Определенные сомнения в правильности официально указанной специализации вызывает ее расположение – на Западном (Пограничном) острове, с трех сторон окруженном потенциальным противником. Выжившие свидетели героической обороны крепости вспоминали, что в данной «автошколе» не было гаража, автодрома, отсутствовали учебные автомобили. А когда на рассвете 22 июня 1941 года на Западный остров проникли немецкие штурмовые отряды, в несколько раз превышающие по численности личный состав школы, все фашисты были уничтожены «шоферами» в рукопашной схватке...

9

Истребительная авиагруппа LLv 24.

Купить: https://tellnovel.com/zlotnikov_aleksey/razgovor-s-vozhdem

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)